ОПЫТЪ РАЗБОРА

главнѣйшихъ произведеній

А. С. ПУШКИНА

(пособіе для учащихся).

составилъ

С. Бураковскій

НОВГОРОДЪ.

Типографія А. С. Федорова (Легощая ул., домъ Гуниной).

1889

№ 2464.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 12-го Ноября 1888 года.

***

При составленіи „Пособія", мы не имѣли въ виду излагать самостоятельнаго обзора всей поэтической дѣятельности Пушкина. Нашею цѣлью было, пользуясь трудами о Пушкинѣ новѣйшихъ русскихъ писателей, дать необходимый комментарій для тѣхъ его сочиненій, которыя обыкновенно входятъ въ курсъ русской словесности; впрочемъ, говоря объ эпосѣ Пушкина, мы дѣлаемъ краткій разборъ и тѣхъ его произведеній, о которыхъ въ учебникахъ совсѣмъ не имѣется свѣдѣній, каковы, напримѣръ, повѣсть „Дубровскій", „Исторія села Горохина", „Повѣсти Бѣлкина". Въ концѣ книги приложено нѣсколько темъ, относящихся къ изученію Пушкина. При составленіи „Пособія" мы пользовались слѣд. трудами:

1) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, томъ 8-ой.
2) Анненковъ П. В. Матеріалы для біографіи Пушкина.
3) Сочиненія Ап. Григорьева, томъ 1.
4) А. И. Незеленовъ, А. С. Пушкинъ въ его поэзіи.
5) В. Я. Стоюнинъ, Историческія сочиненія, т. 2, Пушкинъ.
6) В. П. Острогорскій, Очерки Пушкинской Руси.
7) Н. П. Некрасовъ, О значеніи А. С. Пушкина въ исторіи литературнаго языка (Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 г. Сентябрь).
8) Н. Страховъ, Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ.

С. Б.

I. А. С. Пушкинъ

(Біографическій очеркъ)

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ, въ 1799 году. Со стороны отца онъ принадлежалъ къ древнему боярскому роду, а по матери былъ происхожденія африканскаго. Отецъ Пушкина, Сергѣй Львовичъ, пользовался извѣстностью въ тогдашнемъ свѣтскомъ обществѣ, какъ остроумный и веселый каламбуристъ и какъ авторъ многихъ стихотвореній на французскомъ языкѣ. Дядя Пушкина, Василій Львовичъ, также былъ извѣстенъ какъ стихотворецъ. Воспитаніе, которое получилъ Пушкинъ въ домѣ родителей, отличалось французскимъ направленіемъ. Окруженный гувернерами и гувернантками, поэтъ читалъ и писалъ въ дѣтствѣ исключительно на языкѣ французскомъ, и если успѣлъ ознакомиться съ родною рѣчью, то только благодаря своей нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, которая, зная много народныхъ русскихъ сказокъ, умѣла передавать ихъ хотя и простымъ, но тѣмъ не менѣе выразительнымъ народнымъ языкомъ. Поэтъ любилъ слушать разсказы своей няни и память о ней увѣковѣчилъ впослѣдствіи въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, проникнутыхъ необыкновенною задушевностью и теплотою чувства. Вотъ одно изъ нихъ, къ сожалѣнію неоконченное:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.

Глядишь въ забытыя ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.

. . . .

Въ 1811 году Пушкинъ былъ помѣщенъ въ только что открытый, по мысли императора Александра I, Александровскій Лицей, находившійся тогда въ Царскомъ Селѣ. Ученіе у лицеистовъ шло не особенно блестяще. Пушкинъ также не отличался ни прилежаніемъ, ни вниманіемъ, но уже тогда обнаруживалъ необыкновенную понятливость и остроуміе, которыми превосходилъ своихъ товарищей. Профессоръ Кайдановъ аттестовалъ его такъ: „при маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ“. Надо, однако, прибавить, что Пушкинъ уже въ то время отличался большою начитанностью, благодаря своей охотѣ къ чтенію, проявившейся у него еще съ дѣтства. Изъ учебныхъ предметовъ Пушкинъ питалъ особенную склонность къ словесности и всегда принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ литературныхъ вечерахъ, которые устраивались лицеистами, а также и въ рукописныхъ журналахъ. изданіе которыхъ началось съ перваго же года основанія лицея. Уже тогда Пушкинъ получилъ извѣстность, какъ даровитый поэтъ: его стихи „Подъ вечеръ осенью ненастной“ обошли въ рукописи всю Россію, а въ 1814 году нѣсколько его стихотвореній появилось въ извѣстномъ въ то время журналѣ „Вѣстникъ Европы“. Въ слѣдующемъ году на публичномъ экзаменѣ Пушкинъ прочиталъ стихотвореніе „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ и привелъ въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ. Разсказываютъ, что бывшій тутъ поэтъ Державинъ, по прочтеніи стиховъ, поднявшись съ мѣста, преклонилъ свою сѣдую голову и хотѣлъ обнять юношу, но сконфузившійся Пушкинъ исчезъ изъ залы и скрылся въ глубинѣ лицейскаго сада. Впослѣдствіи, въ ром. „Евгеній Онѣгинъ“, Пушкинъ вспомнилъ о Державинѣ въ стихахъ:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Воспитаніе, которое Пушкинъ получилъ въ Лицеѣ, было свѣтскимъ, поверхностнымъ. „Основательнаго“ (слова барона Корфа, учившагося одновременно съ Пушкинымъ, въ Лицеѣ), глубокаго въ

нашихъ познаніяхъ было, конечно, немного; но поверхностно мы имѣли идею обо всемъ и очень были богаты *блестящимъ* воспитаніемъ, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче отыгрываться". Самъ Пушкинъ представилъ намъ картину этого воспитанія въ тѣхъ стихахъ первой главы романа „Евгеній Онѣгинъ", въ которыхъ онъ описываетъ воспитаніе своего героя.

По окончаніи курса сдѣлавшись членомъ литературнаго общества „Арзамасъ", возникшаго изъ молодыхъ писателей въ противодѣйствіе царившаго тогда господства псевдоклассиковъ, Пушкинъ одновременно попалъ въ кружокъ столичной свѣтской молодежи и, какъ человѣкъ въ высшей степени увлекающійся, невольно поддался вліянію разгульной жизни, усердно посѣщая пріятельскія пирушки, на которыхъ его принимали всегда съ рукоплесканіями, какъ автора остроумныхъ экспромтовъ и застольныхъ пѣсенъ. Но не всецѣло душа поэта ушла въ подобную жизнь: порою онъ выражалъ благородный протестъ противъ нея, какъ это видно изъ стихотворенія „Возрожденіе", написаннаго въ 1819 году. Поэтъ сравниваетъ здѣсь омрачавшія его заблужденія съ чуждыми красками, которыя налагаетъ варваръ-художникъ на картину генія и которыя съ годами спадаютъ съ нея:

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Усидчивый, упорный трудъ не былъ чуждъ поэту и въ этотъ бурный періодъ его жизни: къ этому времени относится поэма „Русланъ и Людмила", сочиненіе которой, при всемъ ея полушутливо-фантастическомъ содержаніи, стоило автору необычайнаго труда. Между тѣмъ надъ Пушкинымъ обрушилась давно предвидѣнная катастрофа. Отчасти изъ тщеславія, но болѣе всего подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, молодой поэтъ сталъ писать вольнодумные политическіе памфлеты и эпиграммы, которые, благодаря имени и таланту автора, быстро распространялись въ обществѣ и сдѣлались извѣстны правительству. Пушкину предстояла ссылка въ Сибирь или водвореніе на покаяніе въ Соловецкомъ монастырѣ; но, по ходатайству Карамзина и статсъ-секретаря графа Каподистріи, поэтъ былъ только переведенъ на службу въ канцелярію намѣстника Бессарабіи, генерала Ивана Никитича Инзова, чело-

вѣка въ высшей степени гуманнаго и просвѣщеннаго, выборъ котораго для надзора за Пушкинымъ былъ сдѣланъ, говорятъ, самимъ Государемъ. 5-го Мая 1820 года Пушкинъ покинулъ столицу.

Прибывъ къ мѣсту службы, въ г. Екатеринославъ, Пушкинъ встрѣтился тамъ съ семействомъ проѣзжавшаго черезъ этотъ городъ генерала Раевскаго, съ сыномъ котораго былъ въ дружбѣ, и съ ними, благодаря разрѣшенію Инзова, совершилъ поѣздку на Кавказъ и въ Крымъ, а оттуда вернулся въ гор. Кишиневъ, куда переведена была канцелярія его начальника. Путешествіе возбудило творческую дѣятельность поэта: очарованный созерцаніемъ суровыхъ красотъ Кавказа и чудныхъ картинъ южнаго берега Крыма, онъ написалъ двѣ поэмы: „Кавказскій Плѣнникъ" и „Бахчисарайскій Фонтанъ", полныя роскошныхъ описаній мѣстной природы. Живя въ Кишиневѣ, Пушкинъ увлекался свѣтскими удовольствіями, проводилъ время среди проказъ и шалостей. Но подобнаго рода развлеченія занимали поэта недолго: онъ скоро бросалъ ихъ и принимался за работу. Каково было настроеніе души поэта, мы видимъ изъ слѣдующаго стихотворенія, проникнутаго элегическимъ тономъ:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ-ли мой конецъ!

Чтобы развлечь себя, забыть всю пустоту окружавшей его жизни, Пушкинъ часто совершалъ поѣздки по Бессарабіи, для обозрѣнія тѣхъ ея мѣстностей, съ которыми соединялись какія-нибудь историческія воспоминанія: такъ онъ посѣтилъ Акерманъ, Измаилъ, поле Кагульской битвы, Бендеры, Варницу, гдѣ находился лагерь Карла XII и гдѣ Пушкинъ хотѣлъ открыть слѣды могилы Мазепы. Кромѣ того, Пушкинъ изучалъ нравы и обычаи мѣстныхъ жителей, собиралъ историческія пѣсни и преданія молдаванъ, сербовъ и др. Здѣсь въ Кишиневѣ Пушкинъ написалъ нѣсколько превосходныхъ стихотвореній („Муза", „Наполеонъ", „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ" и др.), началъ романъ „Евгеній Онѣгинъ" и

поэму „Цыгане“, поводомъ къ которой послужила случайная встрѣча съ цыганскимъ таборомъ, гдѣ поэтъ прожилъ нѣсколько дней. Въ посланіи къ Чаадаеву, относящемся къ этому времени, поэтъ говоритъ о самомъ себѣ, о томъ, что его своенравный геній только въ уединеніи, т. е. вдали отъ столицы, позналъ и трудъ и жажду размышленій, что только здѣсь онъ сталъ стремиться вознаградить утраченные мятежной молодостью годы и въ просвѣщеніи стать наравнѣ съ вѣкомъ. Дѣйствительно, въ это время Пушкинъ серьезно изучаетъ произведенія Байрона, увлекается идеалами его поэзіи, собираетъ, какъ мы сказали выше, народныя пѣсни и легенды, дѣлаетъ обширныя выписки изъ прочитанныхъ книгъ и такимъ образомъ самостоятельно пополняетъ недостатки своего скуднаго школьнаго образованія. Чтенія Пушкина, по свидѣтельству біографовъ, со времени переселенія на югъ становятся разнообразными и основательными: у своихъ столичныхъ друзей онъ постоянно проситъ о присылкѣ ему тѣхъ или другихъ книгъ; къ этому же времени относится возникшее стремленіе Пушкина собирать книги, стремленіе, заставившее его сказать такъ живописно, что онъ похожъ на стекольщика, разоряющагося на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Въ 1823 г. Пушкинъ переведенъ былъ на службу къ гр. Воронцову и переселился въ Одессу, но черезъ годъ, вслѣдствіе столкновенія съ начальникомъ, онъ удаленъ былъ со службы и сосланъ на жительство, подъ надзоръ, въ имѣніе матери, село Михайловское, Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда. Прощаясь съ Одессой, Пушкинъ написалъ превосходное стихотвореніе „Къ морю“, въ которомъ, между прочимъ, воздаетъ хвалу Байрону, называя его властителемъ своихъ думъ.

Пушкинъ пріѣхалъ въ Михайловское въ мрачномъ настроеніи духа, которое еще болѣе усилилось здѣсь подъ вліяніемъ печальнаго положенія, тоски заточенія; и это настроеніе онъ выразилъ въ концѣ стихотворенія „Опять на родинѣ“:

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ тогда лишь къ жизни, годы
Промчались и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца! Я еще

Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила.
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой,
За жаръ души, довѣрчивой и нѣжной,
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.

Но какъ ни тягостно было для Пушкина невольное одиночество, онъ съумѣлъ побороть въ себѣ мрачное настроеніе, предавшись серьезному кабинетному труду, чтенію и размышленію. Здѣсь поэтъ серьезно изучаетъ творенія Шекспира, русскую исторію, читаетъ Карамзина и наши лѣтописи, продолжаетъ собирать народныя пѣсни, болѣе и болѣе стараясь сближаться съ русскимъ народомъ для изученія его воззрѣній, нравовъ и обычаевъ. Можно сказать, что съ этой поры собираніе памятниковъ устной словесности, изученіе народной рѣчи сдѣлались любимыми занятіями Пушкина. „Знаешь ли мои занятія? (пишетъ онъ къ брату). До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего проклятаго воспитанія. Что за прелесть эти сказки? Каждая есть поэма“. Годы пребыванія въ Михайловскомъ были плодотворнѣйшими годами поэтическаго творчества Пушкина: въ это время окончена была поэма „Цыгане“, написаны IV, V и VI главы „Евгенія Онѣгина“, драматическая хроника „Борисъ Годуновъ“, повѣсть „Графъ Нулинъ“ и много мелкихъ стихотвореній, изъ которыхъ особенно замѣчательны: „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, „Андрей Шенье“, „Пророкъ“, „Зимняя дорога“, „Зимній вечеръ“ и др. Въ 1826 году Пушкинъ былъ вытребованъ въ Москву, по повелѣнію Императора Николая Павловича. Въ сопровожденіи фельдъегеря поэтъ привезенъ былъ въ Москву, прямо въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ находился Государь Императоръ, который желалъ лично видѣть Пушкина и слышать его объясненіе по поводу какихъ-то стиховъ недозволеннаго содержанія, будто вновь написанныхъ поэтомъ. Объясненіе послужило въ пользу поэта: Государь принялъ Пушкина особенно милостиво и даровалъ ему совершенную свободу, вѣсть о которой быстро разнеслась по Москвѣ и обрадовала друзей и многочисленныхъ почитателей поэта.

Весной 1827 г. Пушкинъ изъ Москвы переселился въ Петербургъ. Здѣсь, также какъ и въ Москвѣ, Пушкинъ проводилъ время среди удовольствій, „оставившихъ ему, по словамъ Анненкова, нѣсколько сладкихъ воспоминаній и много горечи на душѣ". Безцѣльная суета столичной жизни скоро утомила Пушкина. „Дельвигъ разскажетъ вамъ (пишетъ онъ къ П. А. Осиповой, сосѣдкѣ по имѣнію) о нашемъ существованіи въ Петербургѣ. Признаюсь вамъ, существованіе это довольно пошло, и я сильно желаю измѣнить его такъ или иначе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга стали для меня совершенно чуждыми и я едва могу ихъ выносить. Вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Соряти я съ удовольствіемъ промѣнялъ бы на Петербургъ. Вы видите, что я все еще сохранилъ свои поэтическіе вкусы, несмотря на скверную прозу моей настоящей жизни". Къ сожалѣнію, нашъ поэтъ, несмотря на постоянное недовольство столичной жизнью, не въ силахъ былъ разстаться съ нею. Въ періодъ времени до женитьбы Пушкинъ находится въ какомъ-то тревожномъ состояніи духа; онъ проводитъ время въ постоянныхъ разъѣздахъ, посѣщаетъ Кавказъ, дѣлаетъ съ арміей графа Паскевича весь походъ въ Азіатскую Турцію и вмѣстѣ съ войсками вступаетъ въ Эрзерумъ. Плодомъ этихъ путешествій было нѣсколько замѣчательныхъ стихотвореній: „Донъ", „Кавказъ", „Обвалъ", „Монастырь на Казбекѣ" и др. Къ этому же времени относится неоконченная поэма „Галубъ", рисующая противоположность чувствъ любви, прощенія и великодушія христіанскаго юноши съ суровыми страстями дикаго горца.

Въ 1830 г. Пушкинъ задумалъ жениться и для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ провелъ осень въ своей нижегородской деревнѣ Болдинѣ. Здѣсь онъ окончилъ „Евгенія Онѣгина", написалъ пять „Повѣстей" Бѣлкина, юмористическую „Исторію села Горохина", драматическія сцены „Скупой рыцарь", „Моцартъ и Сальери", „Пиръ во время чумы", „Каменный гость" и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Въ 1831 г. состоялась свадьба Пушкина, и поэтъ выбралъ Петербургъ постояннымъ мѣстожительствомъ. Получивъ свободный доступъ въ государственные архивы, Пушкинъ принялся серьезно изучать матеріалы, относящіеся къ эпохѣ Петра Великаго и Екатерины II. Но онъ не покидалъ и своихъ поэтическихъ занятій, составлявшихъ потребность его художественной натуры. Въ это время были написаны: поэма „Мѣд-

ный Всадникъ", два романа: „Капитанская дочка" и „Дубровскій", драма „Русалка" и много лирическихъ стихотвореній.

Приведенный перечень указываетъ на довольно обширную литературную дѣятельность Пушкина за этотъ періодъ времени. Недовольный существовавшею тогда журнальной критикой, въ которой проводились далеко несерьезные взгляды на литературу, Пушкинъ въ 1836 г. предпринялъ изданіе журнала „Современникъ", но успѣлъ выпустить только четыре книги. Осенью того же года стали ходить по Петербургу ложные слухи объ ухаживаньи Дантеса, молодого офицера, за женою Пушкина; враги поэта намѣренно усиливали эти слухи, посылали къ нему анонимныя письма оскорбительнаго содержанія. Душа поэта не въ силахъ была вынести обиды: вступившись за честь любимой имъ жены, онъ вызвалъ Дантеса на дуэль и былъ смертельно раненъ. Пушкинъ умеръ 29 Января 1837 года; прахъ его покоится въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ 4 верстахъ отъ с. Михайловскаго, любимаго мѣстопребыванія поэта.

Въ заключеніе біографическаго очерка, приводимъ характеристику личности Пушкина, сдѣланную Я. К. Гротомъ въ его рѣчи по поводу открытія памятника поэту. „Слывя въ лицеѣ повѣсою, Пушкинъ однакожъ никогда не былъ празднымъ, съ удивительною легкостью и быстротою усвоивалъ себѣ все, что повидимому бѣгло читалъ или слышалъ, всякое пріобрѣтеніе ума или памяти. „Ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія, говоритъ Плетневъ, не пропадали для него на цѣлую жизнь". Оттого то при видимой лѣности и невнимательности къ классным урокамъ, онъ, по словамъ того же писателя, „изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе, нежели товарищи", и уже въ лицеѣ овладѣлъ обширнымъ запасомъ преимущественно историко-литературныхъ свѣдѣній. Это видно даже изъ однихъ его лицейскихъ стихотвореній, гдѣ насъ поражаетъ, между прочимъ, его знакомство съ древнимъ міромъ, съ его литературой и миѳологіей... Пушкинъ никогда не умѣлъ притворяться, не умѣлъ говорить или дѣлать что-нибудь для виду или для угожденія другимъ: правдивость и откровенность составляли одну изъ господствующихъ чертъ нравственнаго существа его... Рукописи Пушкина, оставшіяся послѣ его смерти, служатъ краснорѣчивыми документами его необыкновеннаго трудолюбія. По безчисленнымъ поправкамъ въ его произведеніяхъ, можно судить,

какъ не легко онъ удовлетворялся тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его, какъ шло къ нему самому названіе „взыскательный художникъ“, употребленное имъ въ одномъ изъ его сонетовъ, какихъ наконецъ усилій стоило ему то совершенство формы, та ровность отдѣлки, какихъ онъ достигалъ во всѣхъ своихъ стихахъ. И это упорство въ работѣ тѣмъ изумительнѣе, что намъ извѣстно, какою пылкою и страстною душою онъ былъ одаренъ, какъ охотно онъ предавался развлеченіямъ общества и наслажденіямъ природою. Въ одной замѣткѣ его о разныхъ родахъ поэзіи наше вниманіе невольно останавливается на выраженіи; „безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго“... Въ глубинѣ души Пушкина смолоду теплилось искреннее религіозное чувство. Уклоненія его въ противоположную сторону были не болѣе какъ либо мимолетныя сомнѣнія, либо юношескія шалости, въ которыхъ онъ въ позднѣйшіе годы горько раскаявался. Съ лѣтами религіозное чувство Пушкина становилось все теплѣе, все явственнѣе отражалось въ его поэзіи. Въ послѣдніе годы жизни однимъ изъ любимыхъ занятій его сдѣлалось чтеніе евангелія и молитвъ православной церкви; нѣкоторыя изъ нихъ заучивались имъ наизусть; одна переложена была даже въ стихи... Своею кончиною Пушкинъ вполнѣ искупилъ тѣ страстные порывы, тѣ заблужденія сердца и ума, которыя только въ глазахъ неумолимо строгихъ судей его бурной молодости могутъ омрачить его память. Посреди страшныхъ мукъ на смертномъ одрѣ онъ явилъ и изумительную силу духа въ стоическомъ самообладаніи, и истинно христіанскую кротость, и трогательную нѣжность семьянина. Благодарность къ Царю, прощеніе враговъ, заботливость объ оставляемой имъ семьѣ, полное примиреніе съ самимъ собою—таково было настроеніе, которое наполняло душу Пушкина въ послѣднія минуты жизни... Біографъ П. В. Анненковъ справедливо называетъ его кончину „событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравственной идеи“.

II. Разборъ произведенiй Пушкина.

Всю поэтическую дѣятельность Пушкина можно раздѣлить на три перiода. Первый обнимаетъ время съ дѣтства поэта до возвращенiя его съ юга на сѣверъ, въ село Михайловское. Въ этотъ перiодъ времени талантъ Пушкина развивается подъ влiянiемъ съ одной стороны русскихъ поэтовъ, его предшественниковъ, съ другой западно-европейской литературы, въ лицѣ Байрона. Но подчиняясь влiянiю англiйскаго поэта, Пушкинъ, однако, не подражаетъ ему, а скорѣй борется съ началами его поэзiи, какъ справедливо замѣчаетъ извѣстный критикъ Ап. Григорьевъ. Два года пребыванiя въ селѣ Михайловскомъ составляютъ второй перiодъ развитiя творчества Пушкина; отъ западно-европейскихъ идеаловъ поэтъ обращается къ началамъ народной русской жизни, и въ это время слагаются въ его поэзiи тѣ элементы, которые придаютъ ей характеръ самобытности и нацiональности. Третiй перiодъ, начиная съ 1826 г. и до кончины поэта въ 1837 г., есть высшая эпоха развитiя его генiя; въ этотъ перiодъ времени поэтъ создаетъ вполнѣ самобытныя произведенiя, являясь въ одно время и замѣчательнымъ драматургомъ, полнымъ многосторонности и глубокаго знанiя человѣческой души, и авторомъ повѣстей, положившихъ начало тому направленiю, которое установлено было окончательно Гоголемъ и изъ котораго возникла вся новѣйшая русская литература. Такъ какъ эпическiя произведенiя Пушкина, а въ особенности лирическiя относятся къ различнымъ перiодамъ его дѣятельности, то для удобства мы разсмотримъ сочиненiя нашего поэта по ихъ родамъ.

1. Лирическiя произведенiя.

Содержанiе: Лицейскiя стихотворенiя.—Разборъ оды „Наполеонъ“.—Элегiи Пушкина.—Стихотворенiя описательныя.—Взглядъ Пушкина на задачу и цѣль поэзiи; разборъ стихотворенiй: „Чернь“, „Памятникъ“, „Пророкъ“.—Характеръ лирической поэзiи Пушкина.

Пушкинъ началъ писать довольно рано; къ первымъ его стихотворенiямъ относятся тѣ, которыя онъ писалъ во время пребыванiя въ лицеѣ и которымъ присвоено было названiе „лицейскихъ“. Какъ по формѣ, такъ и по содержанiю, эти стихотво-

ренія не представляли собою почти ничего оригинальнаго: одни изъ нихъ являлись у Пушкина подъ вліяніемъ чтенія французскихъ поэтовъ, Парни, Грекура и др., воспѣвавшихъ любовь и земныя радости въ духѣ Анакреона, другія были ничѣмъ инымъ, какъ подражаніемъ русскимъ поэтамъ, Жуковскому, Державину и Батюшкову. Беззаботное веселье, наслажденія удовольствіями жизни, воспѣваніе пировъ и нѣги, любовь къ праздной лѣни — вотъ тѣ мотивы, которые, за весьма немногими исключеніями, являются господствующими въ лицейскихъ стихотвореніяхъ. Приводимъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ нихъ. Въ переводѣ изъ Парни „Добрый совѣтъ“ Пушкинъ говоритъ:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнію играть!
Пусть чернь слѣпая суетится:
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ нѣгѣ и винѣ.... и т. д.

Стихотвореніе „Гробъ Анакреона“ оканчивается слѣдующими словами:

Смертный, вѣкъ твой—привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови,
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай.

Лирическія произведенія Пушкина относятся къ различнымъ отраслямъ этого рода поэзіи: онъ писалъ оды, элегіи, сатиры, эпиграммы и т. д. Остановимся на его одахъ. Хотя поэзія Державина, далеко не свободная отъ ложноклассицизма и риторики, мало соотвѣтствовала характеру и взглядамъ Пушкина, тѣмъ не менѣе и ея вліяніе отразилось на нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, таково, напримѣръ, стихотвореніе „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“. Изложенное въ псевдоклассическомъ стилѣ, оно наполнено высокопарными риторическими фразами: побѣды славянъ надъ врагами поэтъ приписываетъ участію Зевсовыхъ перуновъ; онъ обращается къ Аполлону съ просьбой наградить его чудеснымъ даромъ поэзіи, сожалѣетъ, что онъ не бардъ славянской дружины, не вдохновенный скальдъ Россіи и т. д. Въ такомъ же духѣ написана и относящаяся къ 1815 г. ода „Наполеонъ на

Эльбѣ“, гдѣ поэтъ изображаетъ губителя Наполеона, одиноко сидящаго надъ дикою скалою среди ночной тьмы и замышляющаго новое порабощеніе Европы. Но чувство художественной мѣры, присущее вообще артистическимъ натурамъ, скоро побудило Пушкина отказаться отъ пріемовъ музы Державина: онъ написалъ еще нѣсколько одъ, которыя хотя и отличаются нѣкоторою торжественностью, тѣмъ не менѣе чужды искуственнаго риторизма и представляютъ уже образцы оригинальнаго поэтическаго творчества; къ нимъ принадлежатъ, напр. оды „Наполеонъ“, „Клеветникамъ Россіи“, „Полководецъ“, „Пиръ Петра Великаго“ и др. Изъ стихотворенія „Наполеонъ“ видно, между прочимъ, что взглядъ Пушкина на содержаніе и направленіе поэзіи значительно измѣнился противъ прежняго съ переѣздомъ поэта на югъ. Ода „Наполеонъ“ написана была въ 1821 году. Въ ней поэтъ изображаетъ нѣсколько моментовъ изъ жизни этого великаго человѣка. Описывая смерть Наполеона, „могучаго баловня побѣдъ“, его „великолѣпную могилу“ среди „пустынныхъ волнъ“, поэтъ высказываетъ, что со смертью героя исчезла и та ненависть, которую питали къ нему всѣ народы, какъ къ человѣку, налагавшему на нихъ ярмо рабства, что для него настаетъ потомство, способное безпристрастно оцѣнивать дѣянія людей. Далѣе поэтъ переноситъ воображеніе читателя въ то время, когда Наполеонъ сдѣлался властителемъ Франціи: плѣненный чувствомъ безграничнаго самовластія, вѣруя въ свое счастіе и презирая человѣчество въ его благородныхъ надеждахъ на свободу, этотъ человѣкъ съумѣлъ смирить буйный французскій народъ, двинулся съ нимъ на Европу и повсюду разсѣвалъ смятеніе и гибель. Побѣды, окончившіяся Тильзитскимъ миромъ, не удовлетворили честолюбивой души Наполеона. Недовольный тишиною, онъ возстаетъ противъ Россіи, идетъ на Москву, но здѣсь находитъ свою гибель. Въ этой гибели поэтъ видитъ осуществленіе народной мести и отплаты за тѣ обиды, которыя нанесъ Наполеонъ не только Россіи, но и всей Европѣ:

И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ-громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ,
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Поэтъ сочувствуетъ такому народному взгляду на судьбу Наполеона. Но въ то же время, считая низкимъ презрительно относиться къ падшему, высказываетъ въ концѣ концовъ мысль о примиреніи: стяжанія и зло воинственныхъ чудесъ Наполеонъ искупилъ тоскою изгнанія на пустынномъ островѣ, вдали отъ родины, семьи и друзей; кромѣ того, онъ указалъ высокій жребій русскому народу, который явился спасителемъ Европы, и своей ссылкой завѣщалъ, что на будущее время человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ геніаленъ, не будетъ имѣть успѣха въ своихъ стремленіяхъ поработить людей.

Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

„Этотъ стихъ (слова В. Я. Стоюнина) Пушкина можно назвать истинно вдохновеннымъ, и вылился онъ прямо изъ русской души, неспособной долго ненавидѣть за зло и склонной мириться съ человѣкомъ, ради его несчастія, хотя бы и заслуженнаго. Такими произведеніями Пушкинъ начинаетъ выполнять то назначеніе поэта, которое при самомъ началѣ его поприща представлялось ему еще неясно, какъ бы по предчувствію, назначеніе соединить поэзію съ общенародною жизнію, возвысить ее до общественной силы, которая бы вносила въ народное сознаніе лучшія чувства и стремленія. Человѣчность и уваженіе взаимной свободы должны соединять всѣ народы и очистить патріотизмъ отъ грубыхъ вспышекъ и своекорыстныхъ разсчетовъ—какая другая мысль можетъ быть достойнѣе поэзіи“. Таково содержаніе стихотворенія „Наполеонъ“, написаннаго звучными, прочувствованными стихами, полнаго мыслей высокихъ и благородныхъ. Поэтъ ложноклассикъ, пользуясь такой темой, наполнилъ бы свою оду всевозможнѣйшими фигурами и риторическими оборотами; Пушкинъ отъ начала до конца остается въ предѣлахъ естественности, онъ чуждъ того громогласія и лирическаго безпорядка, безъ которыхъ не обходилась ни одна псевдоклассическая ода. Съ такимъ же искусствомъ написаны были Пушкинымъ и другія оды, между которыми особенно замѣчательна „Пиръ Петра Великаго“, справедливо названная Бѣлинскимъ народною пѣснею. Вообще можно сказать, что красота его оды заключается не столько въ формѣ, всегда изящной, сколько въ величіи и оригинальности мысли;

вотъ почему нѣкоторые критики называли ихъ не одами, а лирическими думами.

Переходимъ къ элегіямъ Пушкина. Надо сказать, что въ русской поэзіи элегическое настроеніе было господствующимъ: „печалію согрѣта", говоритъ Пушкинъ, „гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ; отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло". Замѣтное въ произведеніяхъ многихъ нашихъ поэтовъ, это настроеніе началось собственно съ Жуковскаго, по крайней мѣрѣ элегія была его любимою формою, въ которой выражалъ онъ тоску по утраченному идеалу счастія. Не однѣ отрадныя картины дѣйствительности возбуждали и фантазію Пушкина: подчасъ душою поэта, благодаря тѣмъ или другимъ условіямъ жизни, овладѣвало грустное чувство, которое онъ и выражалъ въ своихъ элегіяхъ, каковы „Опять на родинѣ", „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье", „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ" и др. Элегія „Опять на родинѣ" вызвана была посѣщеніемъ поэта въ 1835 г. села Михайловскаго, въ которомъ онъ жилъ два года по возвращеніи изъ Одессы въ 1824 г. Посѣщеніе любимаго уголка напомнило поэту минувшее, и онъ съ любовью описываетъ домикъ, холмъ, озеро, сосны и молодую рощу. Смотря на смиренный домикъ, поэтъ вспоминаетъ о своей нянѣ; ему грустно, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ, что ему не придется болѣе слышать ея тяжелыхъ шаговъ и утреннихъ дозоровъ; лѣсистый холмъ напомнилъ ему то время, когда онъ сиживалъ надъ нимъ, глядѣлъ на озеро, съ грустью вспоминая иные берега, иныя волны. Около трехъ сосенъ разрослась теперь молодая роща, а подъ сѣнью ихъ тѣснятся, какъ дѣти, кусты. Поэтъ привѣтствуетъ молодое, незнакомое ему племя; онъ хотя и сожалѣетъ, что ему не придется увидѣть его могучій поздній возрастъ, тѣмъ не менѣе утѣшаетъ себя тою мыслью, что внукъ его, возвращаясь съ пріятельской бесѣды и услышавъ привѣтный шумъ рощи, пройдетъ мимо нея и вспомнитъ о немъ. Таково содержаніе элегіи. Языкъ ея отличается замѣчательною простотою; сравненія мѣтки, эпитеты просты, но всегда выразительны. Стихотвореніе это имѣетъ біографическое значеніе: въ немъ читатель знакомится съ мѣстностью села Михайловскаго, въ которомъ Пушкинъ проводилъ лучшіе годы своей жизни, гдѣ были созданы капитальныя его сочиненія, какъ, напр., „Борисъ Годуновъ". Но элегія поучительна и въ другомъ отношеніи: помимо выраженія личной грусти поэта она прово-

дитъ идею любви къ близкимъ сердцу, къ природѣ и жизни. Въ элегіи „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ поэтъ обращается къ самому себѣ. Прошедшее представляется ему въ видѣ безумныхъ годовъ, оставившихъ въ его душѣ слѣды печали, настоящій его путь унылъ, а грядущее сулитъ трудъ и горе. Повидимому здѣсь изображается такое состояніе духа, когда человѣкъ долженъ предаться полному отчаянію и признать смерть единственнымъ утѣшеніемъ. Но поэтъ далекъ отъ такого состоянія; въ немъ было много вѣры въ жизнь, вѣры въ то, что, рядомъ съ треволненіями, горестями и заботами, въ жизни есть и много высокихъ наслажденій. „Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“, говоритъ поэтъ. Но жизнь для поэта дорога и ея радостями: надеждою на любовь и созданіями поэтическаго творчества т. е. тѣми образами и картинами, въ которыхъ мысль поэта воплощалась въ минуты вдохновенія. Несмотря на шумъ и разнообразіе столичной жизни, среди которыхъ вращался поэтъ, мысль о смерти не разъ овладѣвала его душою. Въ одну изъ такихъ минутъ, а именно въ декабрѣ 1829 г., и была написана элегія „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, принадлежащая къ лучшимъ созданіямъ Пушкина въ этомъ родѣ. Въ первыхъ четырехъ строфахъ элегіи поэтъ высказываетъ, что мысль о смерти преслѣдуетъ его повсюду: на шумной улицѣ, въ многолюдномъ храмѣ, среди пирующей молодежи. Глядитъ ли онъ на уединенный дубъ, или ласкаетъ милаго младенца, таже мысль неотвязчиво гнѣздится въ его головѣ. Сопоставленіе мысли о смерти съ шумными улицами, съ бесѣдою пирующей молодежи, съ вѣковымъ дубомъ, съ младенцемъ—представляетъ разительный контрастъ: поэту напоминаютъ о смерти такія явленія и предметы, которые менѣе всего на нее походятъ. Этимъ контрастомъ превосходно выражена степень той силы, съ какою мысль о смерти овладѣваетъ душою поэта. Далѣе поэтъ высказываетъ желаніе угадать мѣсто и время смерти; отсюда весьма естественно вытекаетъ у него и другое желаніе: ему хотѣлось бы умереть вблизи отъ милой родины. Но въ концѣ концовъ поэтъ примиряется съ мыслью о смерти; у него является другое настроеніе: онъ желаетъ, чтобы смерть его не омрачила никого, чтобы около его могилы рѣзвились дѣти, а природа по-прежнему сіяла своею вѣчною красотою. Достоинство элегіи заключается не только въ художественной ея формѣ, но и въ томъ, что поэтъ сливаетъ свое личное чувство съ обще-

человѣческимъ, т. е. изображаетъ извѣстное состояніе души такъ, что оно дѣлается понятнымъ для каждаго.

Въ ряду лирическихъ произведеній Пушкина замѣчательны, между прочимъ, и тѣ, въ которыхъ поэтъ описываетъ природу. По словамъ Бѣлинскаго, Пушкинъ не углубляется въ тайный языкъ природы, но созерцаетъ ее удивительно вѣрно и живо; онъ не мыслитъ о ней, а рисуетъ ее. Въ этомъ отношеніи критикъ сравниваетъ Пушкина съ нѣмецкимъ поэтомъ Гете. Пушкинъ, говоритъ онъ, болѣе нежели Гете можетъ дѣйствовать на развитіе чувства, онъ болѣе, нежели Гете, вѣренъ художническому своему элементу; напротивъ, Гете-весь мысль: онъ не просто изображалъ природу, а заставлялъ ее раскрывать передъ нимъ ея завѣтныя и сокровенныя тайны. Для Гете природа была раскрытая книга идей, для Пушкина она была полная невыразимаго, но безмолвнаго очарованія живая картина.“. Доказательствомъ могутъ служить два стихотворенія: „Кавказъ“ и „Обвалъ“. Въ первомъ стихотвореніи поэтъ изображаетъ картину кавказской природы и ея обитателей. Воображая себя на высотѣ снѣжной вершины, поэтъ созерцаетъ то, что ему представляется внизу. На одной съ нимъ высотѣ неподвижно паритъ орелъ; далѣе онъ видитъ низвергающіеся водопады, за ними сухой кустарникъ и мохъ, далѣе зеленыя рощи, гдѣ шебечутъ птицы и скачутъ олени, наконецъ людей, гнѣздящихся въ горахъ, и рѣки Арагву и Терекъ. Художественность языка этого стихотворенія изумительна. Однимъ словомъ или выраженіемъ поэтъ рисуетъ ясную и живую картину: словами „люди гнѣздятся“ описаны жилища горцевъ, прилѣпленныя къ скаламъ, подобно птичьимъ гнѣздамъ; стихъ „и нищій наѣздникъ таится въ ущельи“ прямо указываетъ на горца въ нравственнемъ отношеніи т. е. на его хищническій характеръ. Сравненіе Терека съ молодымъ звѣремъ, завидѣвшимъ пищу изъ желѣзной клѣтки, наглядно изображаетъ и теченіе рѣки, и высокія скалистыя громады, ее окружающія. Такою же живописью отличается и та картина, которую поэтъ рисуетъ въ стихотвореніи „Обвалъ“: колоритъ мѣстности кавказской природы и здѣсь сохраненъ съ удивительною точностью. Не только величественныя, но и самыя обыденныя картины природы описаны у Пушкина съ неподражаемымъ искусствомъ и производятъ на читателя, можно сказать, чарующее впечатлѣніе; таково, напр., стихотвореніе „Осень“, гдѣ описаніе природы гармонично

переплетается съ выраженіемъ личныхъ чувствъ поэта, что придаетъ особую живость и самому описанію. Осень обыкновенно считаютъ дурнымъ временемъ года; но поэтъ нашелъ въ ней привлекательную сторону, которую и выразилъ въ прекрасной картинѣ:

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса.
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса.. и т. д.

Такъ же правдиво, съ такою же простотою описана у Пушкина и другая картина осени въ стихотвореніи „Капризъ", которое написано было въ обличеніе фальши, господствовавшей въ современныхъ идилліяхъ.

Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора.
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Пушкинъ изъ небогатаго, повидимому, матеріала умѣлъ извлекать образы, исполненные высокой прелести; кромѣ того, въ его описаніяхъ очень нерѣдко просвѣчиваетъ настроеніе самого поэта, имъ не чуждъ элементъ субъективный.

Въ теченіе своей литературной дѣятельности Пушкинъ не разъ обращался къ вопросу о значеніи поэзіи и искусства вообще. Призваніе поэта Пушкинъ ставилъ высоко. Въ стихотвореніи „Поэтъ" онъ изображаетъ поэта, душа котораго пробуждается только подъ наитіемъ „божественнаго глагола" т. е. вдохновенія; дикій и суровый, тоскующій среди мірскихъ забавъ, онъ удаляется отъ общества, на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубровы. Надо сказать, что подобный взглядъ на поэта находится въ связи съ тѣми эстетическими воззрѣніями, которыя

проводились во времена Пушкина въ журналѣ „Московскій Вѣстникъ“. По словамъ Анненкова, сущность теоріи состояла въ весьма строгомъ взглядѣ, какъ на призваніе художника, такъ и на задачу самаго искусства. Послѣднее есть не что иное, какъ проявленіе *безконечнаго* въ ограниченныхъ или *конечныхъ* формахъ. Создавая искусству высокую цѣль, независимую отъ требованій современности, теоретики приходили къ мысли объ исключительномъ и важномъ значеніи художника: какъ служитель изящнаго, онъ не принадлежалъ толпѣ, не раздѣлялъ ея стремленій и не признавалъ ея нуждъ. Далѣе, ученіе ставило художника и единственнымъ вѣрнымъ цѣнителемъ своего произведенія. Художникъ, по мнѣнію этого ученія, не нуждался въ сочувствіи окружающихъ, не имѣлъ надобности отдавать отчета въ своихъ сношеніяхъ съ идеаломъ и одинъ зналъ первую причину и цѣль своихъ произведеній“. Эту послѣднюю мысль выразилъ и Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Поэту“. Поэтъ это царь; самъ лучшій цѣнитель своихъ твореній, онъ не долженъ дорожить любовью народа, среди котораго ему придется услышать судъ глупца или смѣхъ толпы, холодной къ творческимъ созданіямъ.

. . . . . . Живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ.

Отраженіе вышеприведенныхъ эстетическихъ воззрѣній мы видимъ и въ стихотвореніи „Чернь“, написанномъ въ 1825 году; общая мысль его выражена въ формѣ діалога между поэтомъ и чернью. Приводимъ это стихотвореніе.

Поэтъ на лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ — а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный,
Ему безсмысленно внималъ.
И толковала чернь тупая:
„Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,

Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?“

Поэтъ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ.
Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ! . Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Чернь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки·
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,

Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Надо сказать, что подъ чернью Пушкинъ разумѣетъ не народъ или общество, а тѣхъ людей, которые или по своему невѣжеству или лицемѣрію возстаютъ противъ отвлеченной науки и искусства и обвиняютъ все то, что не приноситъ матеріальной практической пользы. Упрекая такихъ людей въ томъ, что для нихъ печной горшокъ дороже изящной статуи Аполлона Бельведерскаго, поэтъ высказываетъ мысль, что не дѣло поэзіи заботиться о пользѣ: рожденный для созданія художественныхъ образовъ, для сладкихъ звуковъ и молитвъ, поэтъ не долженъ задаваться никакими цѣлями кромѣ красоты, воспитывающей въ человѣкѣ чувство изящнаго. Та же самая мысль, но съ большею полнотою и ясностью выражена была Бѣлинскимъ въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова. „Поэзія“, говоритъ критикъ, ,,не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, также какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. Не все ли намъ равно—знать или не знать, что не относится къ нашей жизни или нашимъ выгодамъ, что и высоко и далеко отъ насъ, какъ это небо, котораго и безконечно малой частицы никогда не придвинемъ мы къ себѣ никакими телескопами? Однакожъ астрономъ посвящаетъ всю жизнь свою этому небу,—и открытіе новой звѣзды, которая не прибавитъ ни полтины къ его годовому доходу, дѣлаетъ его счастливымъ и блаженнымъ. Развѣ потому должны мы любить добро, что насъ за него хвалятъ или награждаютъ? Развѣ мы должны отрекаться отъ него и сворачивать на широкую дорогу зла, какъ скоро увидимъ, что добро не только не приноситъ намъ никакихъ процентовъ, но еще подвергаетъ насъ гоненіямъ и несчастіямъ? Подобно истинѣ и благу—красота есть сама себѣ цѣль и по праву царствуетъ надъ вселенной только властію своего имени, неотразимымъ обаяніемъ своего дѣйствія на душу людей... Какъ красота, такъ и поэзія—выразительница и жрица красоты, сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка къ небесному, настроиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ—

это уже не цѣль ея, а прямое дѣйствіе, свойство ея сущности; это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта". Критикъ такимъ образомъ признаетъ пользу поэзіи, но при томъ условіи, если поэтъ создаетъ художественные образы. Что Пушкинъ придавалъ поэзіи глубоко нравственное значеніе— это видно изъ стихотвореній „Памятникъ" и „Пророкъ". Мотивъ стихотворенія „Памятникъ" Пушкинъ заимствовалъ изъ оды Горація „Къ Мельпоменѣ", но въ подробностяхъ онъ остается вполнѣ оригинальнымъ. Опредѣляя свои заслуги, Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ дорогъ будетъ для народа тѣмъ, что своей лирой пробуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ. Все это дѣйствительно такъ и было, а отсюда понятно, что поэзія, какъ воспроизведеніе явленій духовной жизни человѣка въ художественныхъ образахъ, должна имѣть нравственное значеніе. Та же мысль ясно вытекаетъ изъ содержанія и другого стихотворенія „Пророкъ". Прочтемъ его.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ;
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:

«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Въ формѣ аллегоріи, заимствованной изъ Библейской исторіи (см. 6 главу прор. Исаіи ст. 6—9), Пушкинъ изображаетъ духовное перерожденіе человѣка, призваннаго возвысить нравственную сторону жизни людей. „Въ пьесѣ (слова г. Галахова) три части: вступленіе, главная часть и заключеніе. Вступленіе (первые четыре стиха) изображаетъ состояніе, предшествовавшее посвященію: избранникъ томился духовной жаждой, скитался въ мрачной пустынѣ. Главная часть подраздѣляется на четыре отдѣла, соотвѣтствующіе четыремъ дѣйствіямъ Серафима, который сообщаетъ избраннику четыре дара: острое орлиное зрѣніе; чуткій слухъ, уловляющій неуловимое обыкновенными средствами; даръ краснорѣчія, мудрый глаголъ (изображенный въ видѣ змѣинаго жала); любовь къ ближнимъ, ревность къ вѣщанію воли небесной (изображенныя въ видѣ угля, пылающаго огнемъ): ибо безъ любви и ревности всѣ слова подобны кимвалу бряцающему. Заключеніе содержитъ въ себѣ велѣніе Бога, укрѣпляющее всѣ дѣйствія Серафима: „и виждь“ (просвѣтленіе зрѣнія), „внемли“ (просвѣтленіе слуха) „глаголомъ“ (даръ убѣдительнаго слова), „жги“ (пламень любви и ревности). Стихотвореніе принадлежитъ къ высоко-художественнымъ произведеніямъ: въ немъ все полно, окончено; нѣтъ ни одного лишняго слова, равно какъ нечего къ нему и прибавлять“. Если образъ пророка примѣнить къ призванію поэта, то назначеніе его дѣятельности заключается въ проповѣди вѣчной истины и безконечной любви: поэтъ долженъ быть не только изобразителемъ явленій жизни, но и пророкомъ, который жжетъ сердца людей своей вдохновенной рѣчью.

Изъ разсмотрѣнныхъ стихотвореній довольно ясно опредѣляются общія свойства лирики Пушкина. Главнѣйшее изъ этихъ свойствъ—это полное согласіе ея съ дѣйствительностью: въ ней нѣтъ ничего фантастическаго. Чувство, лежащее въ основѣ каждаго лирическаго произведенія, всегда искренно: поэтъ никогда не прибѣгаетъ къ искуственнымъ эффектамъ, никогда не изображаетъ неиспытанныхъ имъ печалей или радостей. Далѣе, описывая разлуку, любовь, дружбу, патріотизмъ, Пушкинъ, какъ величайшій художникъ, представляетъ всѣ эти чувства такъ, какъ они должны

проявляться въ каждомъ человѣкѣ; вотъ почему содержаніе его стихотвореній понятно не только для русскаго, но и для человѣка всякой другой національности. Наконецъ достоинство лирики Пушкина заключается въ ея внѣшней формѣ: стихотворенія его всегда кратки; въ нихъ словъ немного, но за то всѣ они въ высшей степени мѣтки и точны; красота и музыкальность стиха доведены до такого совершенства, какого достигали немногіе изъ поэтовъ.

2. Эпическія произведенія.

Содержаніе: поэмы „Русланъ и Людмила", — „Кавказскій Плѣнникъ", — Бахчисарайскій Фонтанъ" и „Цыгане".—Характеристика поэзіи Байрона и отношеніе къ ней Пушкина;—разборъ романа „Евгеній Онѣгинъ";—поэма „Полтава" и повѣсть „Мѣдный Всадникъ";—разборъ „Капитанской дочки", повѣстей Бѣлкина;—Лѣтопись села Горохина" и повѣсть „Дубровскій";—баллады и сказки Пушкина.

Первымъ по времени большимъ эпическимъ произведеніемъ Пушкина была поэма „Русланъ и Людмила". Содержаніе ея не представляетъ собою ничего замѣчательнаго: въ ней нѣтъ ни обыкновенной сказочной занимательности, ни строго обдуманныхъ и развитыхъ характеровъ. Между тѣмъ современники Пушкина были въ неописанномъ восторгѣ отъ его поэмы: его произведеніе еще до напечатанія разошлось во множествѣ рукописныхъ списковъ и читалось грамотными людьми въ захолустныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такое явленіе объясняется необыкновенною живостью разсказа, легкимъ, мѣстами шутливымъ стихомъ, въ которомъ ясно уже обнаруживались самобытное творчество Пушкина, оригинальность его выраженій и оборотовъ рѣчи. При всей незамысловатости содержанія поэмы, читатель, однако, почувствовалъ въ ней присутствіе чего-то новаго—именно рѣзкое отличіе ея отъ ложноклассическихъ поэмъ, которыя всѣмъ наскучили и надоѣли. Поклонники псевдоклассицизма встрѣтили поэму Пушкина весьма неблагосклонно; они упрекали его въ вольности стиховъ, въ непониманіи сущности поэмы вообще, въ томъ, что онъ обратился къ сказочному сюжету и ввелъ просторѣчіе въ такое произведеніе, какъ поэма, которая, по правиламъ старинной теоріи, должна писаться высокимъ стилемъ. Бѣлинскій разсказываетъ, что онъ самъ слышалъ однажды, какъ глава классической критики, даровитый Мерзляковъ, сказалъ съ каѳедры: „Пушкинъ пишетъ хо-

рошо, но, Бога ради, не называйте его сочиненія поэмами“! Лучшіе изъ современныхъ критиковъ видѣли въ „Русланѣ и Людмилѣ“ вѣрное воспроизведеніе русской старины. Но народность поэмы выразилась только въ небольшомъ прологѣ къ ней, гдѣ превосходно представленъ русскій сказочный міръ; что же касается самаго содержанія, то оно представляетъ собою только внѣшнее подражаніе народнымъ русскимъ сказкамъ, какъ, напр., въ эпизодахъ о шапкѣ-невидимкѣ, о живой и мертвой водѣ, а въ сущности поэма, по приключеніямъ ея героевъ, по вымысламъ и чудесамъ, наконецъ по изобилію чувственныхъ картинъ и описаній, весьма похожа на поэму Аріоста „Неистовый Орландъ“, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ Пушкинъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ.

Съ переѣздомъ Пушкина на югъ характеръ его творчества рѣзко измѣняется: онъ начинаетъ вдумываться въ значеніе и смыслъ окружающихъ его явленій, беззаботныя и шутливыя стихотворенія смѣняются другими, въ которыхъ видимо обнаруживается сознаніе того, что жизнь не игрушка. Въ это время Пушкинъ увлекается Байрономъ и создаетъ рядъ поэмъ, герои которыхъ имѣютъ много сходнаго съ героями байроновскихъ произведеній. Сдѣлаемъ предварительно краткую характеристику поэзіи Байрона и потомъ опредѣлимъ отношенія къ нему Пушкина. Поэзія Байрона (1788—1824 г.) есть не что иное, какъ художественное воплощеніе протеста противъ всего условнаго въ окружавшемъ его общежитіи, протеста, вызываемаго горькимъ сожалѣніемъ объ утраченныхъ и необрѣтенныхъ идеалахъ и потому всегда проникнутаго глубокою тоскою и безпощадною ироніею. „Пока человѣчество (слова Ап. Григорьева) способно мучительно любить, глубоко чувствовать оскорбленіе и жажду мести, стенать посреди мукъ и гордо поднимать голову передъ сѣкирой палача—до тѣхъ поръ оно будетъ жадно читать и „Гяура“, и исповѣдь Уго передъ казнью въ „Паризинѣ“; доколѣ живетъ въ человѣческомъ духѣ необузданное стремленіе, готовое иногда ломать всѣ преграды, полагаемыя условнымъ общежитіемъ, дотолѣ обаятельно будутъ дѣйствовать на людей мрачные образы Корсара, Лары, Чайльдъ-Гарольда и иныхъ чадъ мятежной души поэта“. Въ своихъ произведеніяхъ, проникнутыхъ дивною и могучею поэзіею, Байронъ поражалъ безпощаднымъ сарказмомъ все, что было злого и низкаго въ людяхъ, все, что такъ или иначе

угнетало мысль и волю современнаго ему европейскаго человѣка. Лучшее созданіе творчества Байрона это лирическая поэма „Донъ-Жуанъ“; въ этомъ произведеніи Байронъ, по словамъ Шерра, доказалъ, что ему равно доступны какъ высочайшія области, такъ и самыя глубокія бездны бытія, югъ и сѣверъ, западъ и востокъ, и потаеннѣйшіе уголки человѣческаго сердца, и самыя своеобразныя черты чужихъ нравовъ, и ученія древней и новой исторіи; вотъ почему „Донъ-Жуана“ признаютъ не только вѣнцомъ созданій Байрона, но и настоящимъ эпосомъ новаго времени. При всемъ отрицаніи и скептицизмѣ, доходившемъ до отчаянія, поэзія Байрона, однако, затрогивала чувства, живущія въ глубинѣ человѣческаго сердца; отсюда понятно то обаяніе, которое производила эта поэзія даже и въ такихъ людяхъ, какимъ былъ величайшій поэтъ Гете, всегда удивлявшійся генію Байрона и восторгавшійся его созданіями. Недаромъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Къ морю“ назвалъ Байрона властителемъ думъ своего поколѣнія. Великая сила Байрона въ его тоскѣ и ироніи, но въ этихъ качествахъ его поэзіи, по мнѣнію Ап. Григорьева, заключается и его слабость, ибо тоска и иронія—это горестный плачъ объ утраченныхъ и необрѣтаемыхъ идеалахъ. Въ Байронѣ очевидно отсутствіе нравственнаго идеала, протестъ противъ неправды безъ сознанія правды. Эту черту поэзіи Байрона надо имѣть въ виду при сравненіи съ нею поэзіи Пушкина.

Пушкинъ самъ признается, что онъ съ ума сходилъ отъ Байрона и подъ вліяніемъ его произведеній написалъ свои лирическія поэмы: „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“ и „Цыгане“. Въ этихъ созданіяхъ мы встрѣчаемъ много сходнаго съ произведеніями Байрона. „Кавказскій плѣнникъ“ имѣетъ сходство съ романомъ Байрона „Чайльдъ-Гарольдъ“: и въ томъ и другомъ произведеніи герои покидаютъ родину, они разочарованы въ своей прошлой жизни, имъ обоимъ нравится природа и жизнь дикихъ людей. „Бахчисарайскій фонтанъ“ напоминаетъ поэму Байрона „Гяуръ“. „Обѣ поэмы (слова А. И. Незеленова) повѣствуютъ о гаремной жизни, о любви, нарушившей ея законы, объ измѣнѣ, ревности, страданіяхъ, объ убійствѣ и мщеніи. Только у Байрона измѣняетъ владыкѣ гарема одна изъ женъ, полюбившая гяура; а у Пушкина измѣняетъ самъ властелинъ, полюбившій христіанку Марію. Оба поэта ри-

суютъ роскошь южной природы, ея сады, розы, соловьиныя пѣсни; сходными чертами изображаютъ они дворецъ, запустѣвшій послѣ разыгравшейся въ немъ драмы; у обоихъ разсказывается, какъ сокрушенный сердцемъ властелинъ ищетъ забвенія горя въ бурной жизни (у Байрона—въ охотѣ, у Пушкина въ войнѣ)". Что касается поэмы „Цыгане", то она самобытнѣе другихъ, хотя и не чужда вліянія байронизма. Сущность поэмы „Цыгане" заключается въ слѣдующемъ. Среди цыганъ, независимыхъ и дикихъ дѣтей природы, является гражданинъ общества, добровольный его изгнанникъ, неудовлетворенный въ своихъ надеждахъ и требованіяхъ. Прелесть новой жизни, пресыщеніе свѣтскими удовольствіями, а главное любовь къ Земфирѣ удерживаютъ Алеко при таборѣ. Но, измѣнивъ родъ жизни, Алеко не измѣнился нравственно: въ новую стихію онъ вноситъ свои страсти, а за ними и страданія. Недовѣрчивый и самолюбивый, онъ изъ чувства ревности рѣшается на преступленіе: убиваетъ Земфиру и своего соперника. Хотя Пушкинъ и писалъ свои поэмы подъ вліяніемъ Байрона, но нельзя однако согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто онъ является простымъ подражателемъ англійскаго поэта. Если герои Пушкина страдаютъ отъ разочарованія, подобно героямъ Байрона, то это свойство ихъ характера возникло у русскаго поэта не путемъ подражанія, а вслѣдствіе разлада его души съ дѣйствительностью, вслѣдствіе личныхъ обстоятельствъ его жизни. Далѣе, въ разочарованіи Пушкина не видно слѣдовъ демонически-гордаго страданія, нѣтъ отчаяннаго скептицизма и безпощаднаго отрицанія т. е. тѣхъ свойствъ, которыми характеризуется поэзія Байрона. Произведенія Байрона, какъ геніальнаго творца, имѣли то вліяніе, что возбуждали творческую силу Пушкина, но нельзя сказать, чтобы онъ всецѣло подчинился ему. Байронъ, какъ извѣстно, никогда не сомнѣвался въ разочарованности своихъ героевъ, онъ имъ сочувствуетъ, Пушкинъ, напротивъ, развѣнчиваетъ и Плѣнника, и Алеко; онъ старается представить разочарованіе своихъ героевъ, какъ явленіе отчасти напускное, или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ ясное для нихъ самихъ, чего уже мы рѣшительно не видимъ въ произведеніяхъ Байрона. Въ Алеко, героѣ „Цыганъ", сказывается, по словамъ Достоевскаго, совершенно русская мысль, выраженная потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ „Онѣгинѣ", гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и

понятномъ видѣ. Алеко Пушкина это несчастный скиталецъ въ родной семьѣ, русскій страдалецъ, исторически явившійся въ оторванномъ отъ народа нашемъ обществѣ, и въ этомъ случаѣ типъ, созданный Пушкинымъ, отысканъ имъ не у Байрона только". Хотя на характерѣ Алеко и отразилось вліяніе байронизма, но отношенія Пушкина къ Алеко совсѣмъ иныя, чѣмъ у Байрона къ своимъ героямъ. Пушкинъ сочувствуетъ свѣтлымъ сторонамъ характера Алеко, но въ то же время развѣнчиваетъ его, казнитъ его слабыя стороны словами стараго цыгана, когда тотъ называетъ Алеко „злымъ человѣкомъ" и упрекаетъ его въ томъ, что онъ хочетъ воли только для себя. Въ обрисовкѣ женскихъ характеровъ сказывается также большое различіе между Байрономъ и Пушкинымъ. Какая разница, напримѣръ, въ характерахъ Гюльнары („Корсаръ") и Черкешенки. „Героиня англійскаго поэта (слова А. И. Незеленова) вся проникнута тревожнымъ, мутностраснымъ, далеко нечистымъ чувствомъ, изъ-за котораго она готова даже на преступленіе; она рѣшается убить своего владыку пашу, чтобы только освободить милаго. Черкешенка Пушкина— существо дѣтски-чистое, добродушное, все просвѣтленное поэзіею первой любви. Знакомство ея съ Плѣнникомъ началось съ того, что она пожалѣла узника, принесла ему „кумысъ прохладный", стала утѣшать его. Чувство ея, глубоко нѣжное, въ тоже время полно энергіи; душа ея вольная, сильная, независимая". Такимъ образомъ ясно, что Пушкинъ, хотя и поддался обаянію мощной поэзіи Байрона, тѣмъ не менѣе въ своихъ поэмахъ обнаружилъ самостоятельное творчество, ибо, какъ по природѣ своей, такъ и по направленію своего таланта, не могъ дойти до такого отрицанія, какимъ проникнута была муза англійскаго поэта. Совершенно оригинальнымъ творцомъ является Пушкинъ въ тѣхъ мѣстахъ своихъ поэмъ, въ которыхъ описываетъ онъ природу, нравы и образъ жизни мѣстныхъ обитателей. Описанія въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ" превосходны не только по языку, но и по искусству въ отдѣлкѣ подробностей картины, въ перемѣнѣ красокъ и тѣней, смотря по различію предметовъ. Вотъ для образца одинъ небольшой отрывокъ:

„Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,

И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ.
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ надъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи;
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Олень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались.
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ".

Первыя поэмы Пушкина слагались отчасти и подъ непосредственнымъ вліяніемъ явленій русской жизни; если же въ характерахъ, созданныхъ нашимъ поэтомъ, много неопредѣленнаго, то въ этомъ виновата самая среда русскаго общества, въ которой вмѣстѣ съ порывами къ чему-то лучшему не было въ большинствѣ случаевъ ясно сознаннаго идеала. Пушкинъ называлъ себя романтикомъ и поэмы его у современниковъ извѣстны были подъ именемъ романтическихъ. Но романтизмъ Пушкина надо понимать въ иномъ смыслѣ, чѣмъ, напр. романтизмъ Жуковскаго. Поэзія Жуковскаго вращается въ мірѣ фантастическомъ, она слишкомъ чужда дѣйствительности. Между тѣмъ романтизмъ Пушкина надо понимать въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія картинъ и явленій жизни. Первыя поэмы его, проводя серьезныя жизненныя идеи, заключая въ себѣ вѣрное изображеніе картинъ мѣстной природы и мѣстнаго быта, отличались уже реальнымъ содержаніемъ и

прокладывали такимъ образомъ путь къ дальнѣйшему сближенію литературы съ русскою дѣйствительностью.

Вліяніе Байрона отчасти замѣтно и въ первой главѣ романа „Евгеній Онѣгинъ“; своими отступленіями и мелочными описаніями она напоминаетъ шутливую пьесу Байрона „Беппо“. Но затѣмъ Пушкинъ уже окончательно разстается съ байронизмомъ. Романъ „Евгеній Онѣгинъ“—самое большое и самое главное произведеніе поэтическаго творчества Пушкина: въ немъ не только выразились міровоззрѣнія самого поэта, его самобытность, но и вся современная поэту русская жизнь съ ея хорошими и дурными сторонами. Какъ видно изъ письма Пушкина къ Дельвигу, онъ началъ писать „Евгенія Онѣгина“ въ ноябрѣ 1823 года и затѣмъ писалъ его въ теченіе 8 лѣтъ. Это было первое произведеніе въ области романа, въ которомъ русская жизнь изображалась такою, какою она была въ дѣйствительности, безъ всякихъ прикрасъ, въ которомъ характеры являются типами, выражающими существенныя черты цѣлаго общественнаго слоя. Справедливо поэтому мнѣніе Бѣлинскаго, что „Евгеній Онѣгинъ“, воспроизводя передъ нами картину русскаго общества въ одинъ изъ интереснѣйшихъ его моментовъ, есть въ полномъ смыслѣ историческая поэма, хотя въ числѣ ея героевъ нѣтъ ни одного историческаго лица. Обратимся къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ романа.

Герой романа—молодой дворянинъ, сынъ разорившагося отца, получившій модное французское воспитаніе. Пушкинъ не безъ ироніи описываетъ это воспитаніе: онъ подсмѣивается надъ его поверхностностью, надъ тѣми людьми, которые на первомъ планѣ ставили внѣшній лоскъ, а не развитіе ума и знаній въ юношѣ. Съ дѣтства окруженный гувернерами иностранцами, Онѣгинъ учился всему шутя, а потому немудрено, что умѣя бойко говорить по-французски и легко танцовать мазурку, онъ изъ наукъ зналъ только однѣ верхушки.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.

Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Окончивъ свое болѣе чѣмъ скудное образованіе, Онѣгинъ вступаетъ въ свѣтъ и предается всѣмъ его удовольствіямъ: ѣздитъ по утрамъ съ визитами. обѣдаетъ въ лучшихъ столичныхъ ресторанахъ, посѣщаетъ театры, преимущественно балетъ, какъ представленіе не требовавшее никакого умственнаго напряженія, балы, маскарады,—словомъ ведетъ ту праздную жизнь, которую вела тогда вся свѣтская молодежь. Къ чести Онѣгина надо, однако, сказать, что такое времяпровожденіе скоро ему опротивѣло. Какъ человѣкъ недюжинный, онъ сталъ искать серьезныхъ зянятій, принялся за чтеніе, но не подготовленный къ упорному труду, не владѣвшій даже элементарными знаніями, онъ ничего не извлекъ изъ чтенія и бросилъ его. Послѣ того Онѣгинъ дѣлается разочарованнымъ человѣкомъ: тоска и хандра овладѣваютъ имъ всецѣло. Это разочарованіе происходитъ въ Онѣгинѣ не только отъ вліянія байронизма, который у тогдашней молодежи считался просто за моду, но также и отъ разлада между умомъ и чувствомъ, такъ сказать отъ душевнаго раздвоенія. Въ это время Онѣгинъ получаетъ извѣстіе о смерти дяди и ѣдетъ въ деревню. Но и деревня не избавляетъ Онѣгина отъ скуки и хандры: ея уединенные холмы и дубравы только на время оживляютъ его, а занатія сельскимъ хозяйствомъ ограничились только тѣмъ, что онъ уничтожилъ барщину, замѣнивъ ее легкимъ оброкомъ. Въ деревнѣ Онѣгинъ знакомится съ молодымъ сосѣдомъ Ленскимъ, человѣкомъ образованнымъ, только что вернувшимся изъ-за границы. Ленскій вводитъ Онѣгина въ домъ помѣщицы Лариной. Появленіе Онѣгина въ семействѣ Лариныхъ завязываетъ цѣлую внутреннюю драму въ душѣ старшей дочери Татьяны, которая влюбляется въ Онѣгина и признается ему въ любви. Письмо Татьяны трогаетъ Онѣгина, оно напоминаетъ ему лучшее изъ прошлой его жизни; тѣмъ не менѣе, считая себя разочарованнымъ, Онѣгинъ находитъ нужнымъ отвѣчать моралью. сознаваясь, при свиданіи съ Татьяной, что онъ человѣкъ отжившій, которому все надоѣло;

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единый:
То вѣрно бъ, кромѣ васъ одной,
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

*
* *

Но я не созданъ для блаженства,
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства,
Ихъ вовсе недостоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

*
* *

Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ
И днемъ и вечеромъ одна?
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однакожъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вашъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

*
* *

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата:
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты:
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною,
Такъ видно Небомъ суждено.
Полюбите вы снова: но....
Учитесь властвовать собою;
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ:
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ».

Онѣгинъ—живой представитель стараго великосвѣтскаго общества съ его обычаями, съ его условными взглядами на приличіе: вызванный на дуэль Ленскимъ, онъ принимаетъ вызовъ единственно изъ совершено превратнаго понятія о благородствѣ и изъ боязни общественной молвы. Хотя Онѣгинъ и покинулъ свѣтъ, тѣмъ не менѣе онъ не распростился съ его закоренѣлыми привычками; гдѣ дѣло идетъ о чести, хотя и въ ложномъ о ней понятіи, онъ не въ состояніи освободиться отъ оковъ приличій и мнѣній свѣта: вотъ почему онъ дерется съ Ленскимъ. Послѣ дуэли съ Ленскимъ Онѣгинъ начинаетъ томиться, въ его душѣ пробуждаются и чувство сожалѣнія, и упреки совѣсти. Пушкинъ не оправдываетъ Онѣгина въ его поступкѣ: описавъ думы своего героя передъ дуэлью, онъ иронически отзывается о господствовавшихъ въ обществѣ понятіяхъ о чести и благородствѣ и тѣмъ самымъ какъ-бы обвиняетъ и Онѣгина, какъ поклонника свѣтскихъ приличій. Изъ деревни Онѣгинъ отправляется путешествовать по Россіи, но безъ всякой опредѣленной цѣли. Мучимый хандрою, онъ пріѣзжаетъ на кавказскія воды; имъ, здоровымъ и молодымъ, начинаетъ просто овладѣвать отчаяніе:

Онъ мыслитъ, грустью отуманенъ,
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ,
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? Тоска, Тоска!

Вернувшись въ столицу, Онѣгинъ снова встрѣчается съ Татьяной. Онъ пораженъ перемѣною, которая произошла въ Татьянѣ: передъ нимъ свѣтская дама, она держитъ себя свободно съ нимъ и вовсе не походитъ на простую деревенскую барышню, какою она была прежде. Удивленіе Онѣгина скоро переходитъ въ любовь; онъ пишетъ Татьянѣ нѣсколько писемъ, въ которыхъ изливаетъ свои сердечныя муки; наконецъ добивается свиданія. Но всѣ старанія Онѣгина были тщетны: отвергнутый Татьяной, онъ принужденъ разстаться съ нею навсегда. Въ чемъ же заключаются главнѣйшія черты характера Онѣгина? Онѣгинъ это типъ интеллигентнаго человѣка стараго времени; умный, способный къ дѣятельности, онъ лишенъ, однако, энергіи и силы воли, необходимыхъ для осмысленнаго и полезнаго общественнаго дѣла. Онъ недоволенъ окружающею его жизнію, но это недовольство мало сознательное, вызванное просто желаніемъ подражать героямъ байроновскихъ произведеній, изъ которыхъ молодежь, подобная Онѣгину, скудно образованная и хорошо обезпеченная, благодаря крѣпостному праву, брала готовыми идеи о предразсудкахъ, пустотѣ и лицемѣріи свѣтскаго общества. Онѣгинъ, какъ справедливо сказалъ Достоевскій, это несчастный скиталецъ въ родной землѣ, т. е. человѣкъ безъ почвы, который пассивно, безъ всякой борьбы, подчиняется западно-европейскимъ вліяніямъ, отрывается отъ своего народа и, убивая жизнь въ бездѣятельности, доходитъ въ концѣ концовъ до совершенной нравственной растерянности.

При всей духовной немощи Онѣгинъ все-таки много понималъ въ жизни, умѣлъ различать людей; не то мы видимъ въ Ленскомъ, въ характерѣ котораго Пушкинъ очень мѣтко обрисовалъ другую сторону тогдашней русской жизни. Ленскій романтикъ и мечтатель, видящій все въ розовомъ свѣтѣ; его кровь волнуетъ „негодованье, сожалѣнья, ко благу чистая любовь и славы сладкое мученье“.

Онъ вѣрилъ, что душа родпая
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы.
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;

Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья,
Что ихъ безстрастная семья
Неотразимыми лучами
Насъ новымъ счастьемъ озаритъ
И міръ блаженствомъ подаритъ.

По словамъ поэта Ленскій былъ „сердцемъ милый невѣжда", т. е. толковалъ о жизни и людяхъ, вовсе ихъ не зная: влюбленный въ Ольгу Ларину, онъ слишкомъ идеализируетъ эту правда простую, но тѣмъ не менѣе легкомысленную и въ сущности заурядную дѣвушку. Точно также Ленскій не понялъ и Онѣгина: шутку послѣдняго онъ принялъ за желаніе разрушить его счастіе, и вотъ изъ друга Онѣгинъ превращается у него въ какого-то злодѣя.

Онъ мыслитъ: «буду ей спаситель;
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ, и похвалъ,
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухутренній цвѣтокъ
Увялъ, еще полураскрытый».

И всѣ эти слова вылились у Ленскаго только потому, что Онѣгинъ ради шутки сталъ ухаживать за Ольгой. Какъ человѣкъ, у котораго сердце всегда жило въ разладѣ съ разсудкомъ, Ленскій сейчасъ же вообразилъ себѣ картину кровавой измѣны и обольщенія, вызвалъ Онѣгина на дуэль и палъ жертвою собственнаго безразсуднаго увлеченія.

Судьба и характеръ Татьяны болѣе всего занимаютъ Пушкина; онъ ей сочувствуетъ и съ особенною любовью описываетъ всѣ моменты ея жизни. Уже въ дѣтствѣ Татьяна рѣзко отличалась отъ своихъ сверстницъ: дикая, печальная и молчаливая, она не принимала участія въ дѣтскихъ играхъ. Но у нея были другія привязанности: она любила природу и сказки, которыя разсказывала ей старая няня и которыя, дѣйствуя на фантазію дѣвочки, развили въ ней вѣру въ разные предразсудки. Въ періодъ юности сказки смѣнились романами; подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго у Татьяны создается идеалъ любимаго человѣка. Является Онѣгинъ, красивый, разочарованный, очень похожій на

тѣхъ героевъ, о которыхъ читала Татьяна въ романахъ Ричардсона; понятно, что онъ долженъ былъ произвести чарующее впечатлѣніе на дѣвушку, сердце которой давно уже искало родной души. Сначала это чувство было не что иное, какъ увлеченіе мечтою, но потомъ, когда Татьяна увидѣла, что Онѣгинъ совсѣмъ не похожъ на тѣхъ людей, которыхъ она знала и видѣла въ своей семьѣ, это чувство постепенно обратилось въ истинную любовь. Пылкая и мечтательная, Татьяна первая признается въ любви: она пишетъ правда нѣсколько романтическое, но тѣмъ не менѣе искреннее и откровенное письмо къ Онѣгину, гдѣ высказываетъ свои стремленія и надежды. Она признается, что никому, кромѣ Онѣгина, не отдала бы своего сердца, что онъ ей посланъ Богомъ, что вся жизнь ея была залогомъ свиданья съ нимъ. Но надо сказать, что не однимъ чувствомъ любви была полна душа Татьяны, ее занимали и умственные вопросы, на которые она не могла получить отвѣта отъ окружавшихъ ее людей, по крайней мѣрѣ на это намекаютъ слѣдующія слова ея письма:

Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.

Предвидя, что свѣтъ въ силу своихъ своеобразныхъ понятій о приличіи готовъ вооружиться на Татьяну за ея письмо къ Онѣгину, Пушкинъ, вполнѣ сочувствуя своей героинѣ, старается оправдать ее:

За чтожъ виновнѣе Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то ль, что любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?

Извѣстно, какъ отвѣтилъ Онѣгинъ на чистосердечныя признанія Татьяны. По отъѣздѣ Онѣгина Татьяна начинаетъ грустить:

Какъ тѣнь она безъ цѣли бродитъ,
Посмотритъ въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрады,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ...

Но тогда же наступаетъ для Татьяны и періодъ умственной жизни: посѣщая домъ Онѣгина, она читаетъ его книги, раздумывается надъ тѣми мѣстами въ нихъ, которыя были отмѣчены Онѣгинымъ, и это расширяетъ ея умственный кругозоръ. Она начинаетъ догадываться, что за человѣкъ тотъ, котораго она такъ страстно полюбила; въ ея душу закрадывается сомнѣніе въ искренности его разочарованія, въ возможности того счастья, которое она думала найти въ любви къ Онѣгину. Мать Татьяны, замѣтивъ перемѣну въ дочери, отыскала средство поправить бѣду: на семейномъ совѣтѣ рѣшено было пристроить Таню т. е. выдать ее замужъ. Въ концѣ романа мы видимъ Татьяну въ Москвѣ; она замужняя свѣтская барыня, повидимому непохожая на прежнюю простодушную Таню:

Какъ измѣнилася Татьяна?
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто-бъ смѣлъ искать дѣвченки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?

Но это превращеніе только наружное: въ глубинѣ души Татьяна сохраняетъ прежнія черты характера; по крайней мѣрѣ, въ откровенной бесѣдѣ съ Онѣгинымъ она сознается, что по прежнему любитъ деревню и пору дѣвической жизни, что ей дороги воспоминанія о нянѣ:

А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,

Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

Въ той же бесѣдѣ Татьяна откровенно признается Онѣгину, что любитъ его по прежнему, но въ то же время она разрываетъ всякую связь съ Онѣгинымъ, ибо хорошо понимаетъ, что онъ эгоистъ и что съ такимъ человѣкомъ для нея счастье невозможно. По поводу словъ Татьяны: „я васъ люблю (къ чему лукавить?), но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна“ Достоевскій въ своей извѣстной рѣчи о Пушкинѣ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: „Я вотъ какъ думаю: еслибы Татьяна даже стала свободною, еслибъ умеръ ея старый мужъ и она овдовѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинымъ. Надобно же понимать всю суть этого характера! Вѣдь она же видитъ, кто онъ такой: вѣчный скиталецъ, увидалъ вдругъ женщину, которою прежде пренебрегъ, въ новой блестящей недосягаемой обстановкѣ, — да вѣдь въ этой обстановкѣ-то пожалуй и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвочкѣ, которую онъ чуть не презиралъ, теперь покланяется весь свѣтъ,—свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина, не смотря на всѣ его міровыя стремленія, — вотъ, вѣдь, почему онъ бросается къ ней ослѣпленный. Вотъ мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое спасеніе, вотъ исходъ тоски моей, я проглядѣлъ его, а „счастье было такъ возможно, такъ близко“. И какъ прежде Алеко къ Земфирѣ, такъ и онъ устремляется къ Татьянѣ, ища въ новой причудливой фантазіи всѣхъ своихъ разрѣшеній. Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущности любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную, какъ и прежде, Татьяну! Она знаетъ, что онъ принимаетъ ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже онъ и любитъ, что можетъ быть онъ и никого не любитъ, да и неспособенъ кого-нибудь даже любить, несмотря на то, что такъ мучительно страдаетъ! Любитъ фантазію, да вѣдь онъ и самъ фантазія. Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая вѣтромъ. Не такова она вовсе: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ сознаніи, что погибла ея жизнь, все таки есть нѣчто

твердое и незыблемое, на что опирается ея душа. Это ея воспоминанія родины, въ деревенской глуши, въ которой началась ея смиренная, чистая жизнь,—это „крестъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной няни“. О, эти воспоминанія и прежніе образы ей теперь всего драгоцѣннѣе, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія. И этого не мало, нѣтъ, тутъ ужъ многое, потому-что тутъ цѣлое основаніе, тутъ нѣчто незыблемое и неразрушимое. Тутъ соприкосновеніе съ родиной, съ роднымъ народомъ, съ его святынею. А у него что есть и кто онъ такой? Не идти-же ей за нимъ изъ состраданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хотя на время изъ безконечной любовной жалости подарить ему призракъ счастія, твердо зная напередъ, что онъ завтра же посмотритъ на это счастіе свое насмѣшливо. Нѣтъ, есть глубокія, твердыя души, которыя не могутъ отдать сознательно святыню свою на позоръ, хотя бы изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ“.

Такимъ образомъ, любовь къ преданіямъ старины, здравый смыслъ, искренность и простодушіе, энергія и сила воли въ рѣшительные моменты жизни, отсутствіе гордости, стремленіе къ правдѣ—вотъ тѣ существенныя черты характера Татьяны, которыя дѣлаютъ этотъ образъ въ высшей степени симпатичнымъ. Пушкинъ первый возсоздалъ типическія свойства русской женщины, и въ этомъ заключается одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ его романа.

Личностями Онѣгина, Ленскаго и Татьяны не исчерпывается содержаніе романа Пушкина. Въ немъ мы находимъ изображеніе типическихъ представителей помѣщичьей среды: толстаго Пустякова, Гвоздина—владѣльца нищихъ мужиковъ, уѣзднаго франтика Пѣтушкова; романъ даетъ хотя и краткую, но тѣмъ не менѣе довольно наглядную картину крѣпостного быта, описываетъ крѣпостную прислугу, казачковъ и служанокъ, которыхъ помѣщица Ларина заставляла, во время собиранія ягодъ, пѣть хоромъ, „чтобъ барской ягоды уста лукавыя не ѣли и пѣньемъ были заняты“; наконецъ въ романѣ мы находимъ довольно симпатичный образъ старой няни Филипьевны, на рукахъ которой воспитывалась Татьяна въ пору своего дѣтства. „Евгеній Онѣгинъ“ романъ общественный. Изображая людей высшаго и средняго класса, писатель указываетъ на весьма существенные не-

достатки русскаго воспитанія въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, на его поверхностность, вслѣдствіе которой молодежь заботилась не столько о пріобрѣтеніи научныхъ знаній, сколько объ усвоеніи внѣшняго лоска. Правда, русское общество, изображенное писателемъ, стремилось къ тому, чтобы не отстать отъ Европы; но сближеніе съ европейской цивилизаціей выражалось въ заимствованіи моды, страсти къ роскоши, а не тѣхъ просвѣтительныхъ идей, разумное выполненіе которыхъ въ жизни могло бы содѣйствовать общественному развитію. Ненормальность господствовавшихъ условій отражалась и на положеніи русской женщины того времени; на ея воспитаніе не обращалось почти никакого вниманія: ее или предоставляли самой себѣ, или отдавали на попеченіе нянекъ, которыя, при всей ихъ искренности и простотѣ, имѣвшихъ доброе вліяніе, прививали ей все-таки много предразсудковъ. Пушкинъ изображаетъ въ романѣ два момента изъ жизни героини: ея первую любовь и замужество; и это вполнѣ согласно съ дѣйствительностью: въ тѣ времена интересы русской женщины исключительно ограничивались заботою объ устроеніи своего личнаго счастія, ибо по тогдашнимъ условіямъ и понятіямъ она не могла имѣть никакой доли участія въ общественной дѣятельности. Мы уже сказали, что „Евгеній Онѣгинъ“ писанъ былъ Пушкинымъ въ теченіе продолжительнаго времени, вотъ почему это произведеніе важно еще и въ томъ отношеніи, что на немъ отразились различные періоды развитія творчества поэта. Въ первой главѣ романа, какъ мы указали, еще замѣтно вліяніе Байрона, вліяніе западно-европейское вообще, но затѣмъ Пушкинъ мало-по-малу освобождается отъ этого вліянія, являясь вполнѣ самобытнымъ творцомъ, и, начиная съ 4-й главы романа, все болѣе и болѣе захватываетъ картины русской природы и жизни. Пятая глава романа начинается замѣчательнымъ по своей художественной простотѣ описаніемъ зимы, къ которому Пушкинъ прибавляетъ ироническое замѣчаніе: „но, можетъ быть, такого рода картины васъ не привлекутъ: все это низкая природа, изящнаго немного тутъ“; здѣсь же, при описаніи именинъ Татьяны, поэтъ, перечисляя гостей, прибывшихъ къ Ларинымъ на семейный праздникъ, дѣлаетъ хотя и краткую, но тѣмъ не менѣе, мѣткую характеристику обитателей русской провинціи.

....Вотъ багряною рукою
Заря,. отъ утреннихъ долинъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Былъ полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, бричкахъ и саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостинной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ. давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, семья сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ,
(Какъ вамъ конечно онъ знакомъ),
И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и глупъ.

... Чай несутъ; дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ.
Парисъ окружныхъ городковъ
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ...
Однообразный, и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный,
Чета мелькаетъ за четой.
—Мазурка началась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,

Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.
Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставного)
Стучатъ; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, шопотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку...
Ахъ! легче, легче: каблуки
Отдавятъ дамскіе носки!..

Весьма важное значеніе въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“ имѣютъ также лирическія отступленія. Въ первой главѣ эти отступленія отличаются нѣсколько легкомысленнымъ характеромъ: поэтъ говоритъ въ нихъ, напр., о своемъ восхищеніи стройными женскими ножками, восторгается искусствомъ тогдашней балетной танцовщицы Истоминой; далѣе, поэтъ высказываетъ свое сочувствіе Онѣгину, его времяпровожденію за туалетомъ. Но чѣмъ болѣе Пушкинъ вникалъ въ главную задачу своего романа, тѣмъ рѣзче высказывалось въ немъ объективное и безпристрастное отношеніе къ герою: сочувствіе къ Онѣгину смѣняется сознаніемъ духовной несостоятельности людей ему подобныхъ, онъ вмѣстѣ съ Татьяной спрашиваетъ про своего героя: „Ужъ не пародія ли онъ? Ужели подражанье, чужихъ причудъ истолкованье, словъ модныхъ полный лексиконъ?“ Анализируя явленія окружающей его жизни, Пушкинъ находитъ въ нихъ много уродливаго и ложнаго. Пушкинъ (слова В. П. Острогорскаго), какъ необыкновенно умный человѣкъ и поэтъ великій, нерѣдко глубоко задумывался надъ пустой, безсодержательной жизнью того общества, къ которому самъ принадлежалъ, и клеймилъ это общество ѣдкой и колкой насмѣшкой. У поэта есть много страницъ глубоко скорбныхъ, показывающихъ,

какъ ясно понималъ онъ очень важныя отрицательныя стороны русскаго общества и какъ глубоко страдалъ.“ Отсюда въ ром. „Евгеній Онѣгинъ“ цѣлый рядъ такихъ лирическихъ отступленій, которыя проникнуты сатирическимъ элементомъ. Таково, напримѣръ, то мѣсто въ концѣ 6-й главы романа, гдѣ авторъ смѣется надъ высшимъ обществомъ:

. . . .
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суэты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ—
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

Такое же отношеніе къ высшему свѣту выразилъ поэтъ еще и въ 8-й главѣ романа (строфы XXIII—XXVI) по поводу описанія гостей, бывшихъ въ домѣ Татьяны, когда она была уже княгиней. Вь 7-й главѣ (строфы XXXIII и XXXIV) Пушкинъ сатирически описываетъ русскія дороги:

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Со временемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ) дороги, вѣрно,
У насъ измѣнятся безмѣрно:

Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ. И т. д.

Нечего и говорить о художественныхъ достоинствахъ романа „Евгеній Онѣгинъ": стиль доведенъ до высокой степени простоты и изящества; описанія картинъ русской природы, какъ напр. временъ года, до сихъ поръ остаются образцовыми; характеры выполнены мастерски. Къ лучшимъ мѣстамъ можно отнести: разговоръ Татьяны съ няней, дуэль, сонъ Татьяны, послѣднее ея свиданіе съ Онѣгинымъ.

Въ теченіе своей литературной дѣятельности Пушкинъ неоднократно обращался къ историческому прошлому Россіи. Личность Петра Великаго, какъ преобразователя Россіи, обратила на себя особенное вниманіе поэта: онъ посвятилъ ему нѣсколько небольшихъ, но превосходныхъ по замыслу и выполненію стихотвореній, каковы, напр. „Въ надеждѣ славы и добра," „Пиръ Петра Великаго," обрисовалъ намъ образъ жизни этого замѣчательнаго человѣка въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго," наконецъ представилъ его въ поэмѣ „Полтава" и въ стихотворной повѣсти „Мѣдный всадникъ."

Поэма „Полтава" написана была въ 1828 г. въ теченіе одного мѣсяца. „Чрезвычайно быстро (слова Анненкова) писалось это творческое произведеніе, подъ дѣйствіемъ постояннаго, неизмѣннаго вдохновенія, въ которомъ Пушкинъ нашелъ, какъ и всегда, отдохновеніе и цѣлительную силу для нравственнаго своего существа. Какъ велико было напряженіе его поэтическаго генія при созданіи „Полтавы," можно судить по цифрамъ, выставленнымъ въ концѣ каждой изъ пѣсенъ ея и сохранившимся на клочкахъ черновой рукописи. Такъ мы видимъ, что первая пѣснь кончена 3-го октября, вторая—9-го, третья—16-го." „Поэма явилась въ 1829 г., продолжаетъ Анненковъ, и мы скажемъ правду, если скажемъ, что за ней послѣдовало всеобщее недоумѣніе: почти никто не узналъ Пушкина! Блестящій, огненный

стихъ его, который такъ справедливо сравнивали съ красавицей, уступилъ мѣсто сжатому и многовѣсному стиху, поражавшему своей опредѣленностью. Трудно было осмотрѣться и проникнуться величіемъ этихъ стиховъ послѣ сладкихъ и задушевныхъ строфъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ и „Цыганъ.“ Какъ барельефъ великолѣпнаго памятника, создана была вся историческая часть поэмы, и непривычному взгляду трудно было обнять его содержаніе, насладиться его спокойствіемъ, его художническимъ распредѣленіемъ частей, особливо, если еще вспомнимъ, что въ большинствѣ публики съ названіемъ „поэма“ связывалось понятіе о страсти, движеніи, живописи сердца. Складъ поэтической рѣчи, употребленный для описанія и связи историческихъ явленій, былъ тоже непонятнымъ явленіемъ. Сильно окрашенный эпическимъ тономъ народнаго разсказа, онъ былъ новъ не только для массы читателей, но и для критиковъ.“

Содержаніе поэмы „Полтава“ заключается въ слѣдующемъ. Малороссійскій гетманъ Мазепа сватаетъ дочь Кочубея Марію, но получаетъ отказъ. Марія, влюбленная въ Мазепу, покидаетъ семью и бѣжитъ въ замокъ гетмана. Кочубей узнаетъ о побѣгѣ дочери и, оскорбленный этимъ, въ пылу гнѣва задумываетъ отомстить Мазепѣ. До того дружный съ Мазепой и знавшій о его замыслахъ, Кочубей рѣшился теперь измѣнить къ нему свои отношенія: составивъ при участіи полковника Искры доносъ на гетмана въ томъ, что онъ врагъ и измѣнникъ, отослалъ этотъ доносъ Петру съ казакомъ, влюбленнымъ въ Марію. Мазепа, ничего не зная о замыслахъ Кочубея, продолжаетъ свои козни, входитъ въ сношенія съ однимъ іезуитомъ, ведетъ съ нимъ по ночамъ тайные переговоры, между тѣмъ какъ клевретъ его Орликъ, чрезъ посредство преданныхъ ему людей, распространяетъ волненіе между донскихъ и запорожскихъ казаковъ, стращая ихъ самодержавіемъ Петра. Узнавъ о доносѣ, Мазепа не смущается: онъ ловко оправдывается передъ царемъ. Кочубей и Искра, по настоянію гетмана, осуждаются на смерть. Марія ничего этого не знаетъ. Въ ночь, на канунѣ того дня, когда должна была совершиться казнь Кочубея, во дворецъ гетмана является мать Маріи и сообщаетъ ей обо всемъ. Марія сначала не вѣритъ: ей кажется, что все это происходитъ во снѣ; черезъ нѣсколько времени она приходитъ въ себя и бѣжитъ съ матерью на мѣсто казни. Но поздно: казнь совершилась. Марія сходитъ съ ума.

Между тѣмъ Мазепа заводитъ сношенія съ шведскимъ королемъ Карломъ XII и, чтобы скрыть это, притворяется больнымъ, призываетъ священника, какъ будто желая приготовиться къ смерти. Когда же Карлъ измѣняетъ планъ своихъ дѣйствій и переноситъ войну въ Украйну, Мазепа тотчасъ выздоравливаетъ и заключаетъ союзъ съ шведскимъ королемъ, думая отомстить Петру за обиду, которую тотъ нанесъ ему, когда они стояли подъ Азовомъ. При Полтавѣ происходитъ рѣшительная битва, и побѣда на сторонѣ Петра. Король и гетманъ спасаются бѣгствомъ и для ночлега останавливаются на берегу Днѣпра, вблизи того хутора, гдѣ когда-то жили Кочубей и Мазепа. Мазепа не можетъ заснуть. Вдругъ онъ видитъ предъ собою Марію съ распущенными волосами, худую, блѣдную, одѣтую въ рубище; она говоритъ ему о своей любви, но безумною рѣчью, о томъ, что она ошиблась, что принимала его за другого. Съ восходомъ зари Карлъ просыпается и, приказавъ осѣдлать коней, спѣшитъ въ дорогу. Мазепа прощается съ родиной и покидаетъ ее навсегда.

Пушкинъ предпослалъ поэмѣ слѣдующее предисловіе. „Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага, утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя завоеванія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ. Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украйну безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однако-же этимъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противъ недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25,000 шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, „яко зѣло опаснаго дѣла“. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда-нибудь, ввѣрялся своему счастію: оно уступило генію Петра. Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмельницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ

въ порокахъ и злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича—своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдой, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная церковью анаѳемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія человѣчества. Нѣкто въ романической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ и проч. Лучше было бы развить и разъяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица".

Собственно завязка поэмы основана на любви, точно также какъ и въ первоначальныхъ поэмахъ Пушкина,—но отношенія Маріи къ Мазепѣ, описаніе которыхъ составляетъ большую часть произведенія, пріурочиваются къ историческимъ лицамъ и вотъ почему называютъ поэму Пушкина историческою. Пушкинъ, однако, съ равною любовью и объективностью изображаетъ какъ частныя, такъ и историческія событія.

Обратимся къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ поэмы. Мазепа представленъ съ тѣми чертами характера, о которыхъ Пушкинъ говоритъ въ предисловіи къ поэмѣ. Мазепа интриганъ и честолюбецъ: вступая въ союзъ съ шведскимъ королемъ, онъ хочетъ съ одной стороны отмстить Петру за личную обиду, съ другой достигнуть трона, освободивъ Малороссію отъ власти Московскаго царя. Онъ жестокъ и мстителенъ. Но въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ могутъ проявляться добрыя чувства, и это глубоко понималъ Пушкинъ, какъ весьма тонкій психологъ. У Мазепы слѣды добра еще несовсѣмъ заглушены эгоизмомъ: онъ доступенъ сердечнымъ увлеченіямъ; когда послѣ казни отца Марія убѣжала, онъ мучается какой-то страшной пустотой; наконецъ онъ смущается при видѣ хутора Кочубея и при видѣ сумасшедшей Маріи. Въ характеристикѣ Мазепы Пушкинъ нѣсколько отступаетъ отъ исторіи. Причина измѣны Мазепы заключалась не въ однихъ только личныхъ побужденіяхъ: противъ Петра возставалъ не одинъ Мазепа, а цѣлая партія, въ средѣ которой существовало опасеніе, что Москва, не разъ нарушавшая малороссійскія права и вольности, рано или поздно искоренитъ казачество. Исторія любви Мазепы къ Маріи разсказана не совсѣмъ согласно съ дѣйствительностью. Дѣло происходило такъ. Когда Мазепа сдѣлалъ предложеніе Матренѣ (такъ звали дочь Кочубея), то

родители воспротивились этому браку, ибо Мазепа былъ крестнымъ отцомъ Матрены; мать Матрены, женщина крайне вздорная, стала преслѣдовать дочь и довела ее до того, что та рѣшилась наконецъ бѣжать къ гетману. Но Мазепа, не желая, чтобы на дѣвушку была брошена тѣнь, отпустилъ ее въ Батуринъ, гдѣ жилъ ея отецъ. Превосходно изображенъ въ поэмѣ Петръ Великій. Энергія, героизмъ и великодушіе—вотъ идеальныя черты этого характера. Петръ—смѣлый и рѣшительный предводитель войскъ; какъ истинный герой, онъ не дорожитъ собой: преслѣдуя интересы цѣлаго народа, онъ принимаетъ личное участіе въ битвѣ и своимъ мужествомъ воодушевляетъ войско. Поэтъ сравниваетъ Петра съ грозою; лицо его одушевлено; глаза сіяютъ. Чтобы ярче оттѣнить образъ Петра, поэтъ изображаетъ Карла XII: въ качалкѣ, блѣдный, страдая раной, онъ выносится слугами къ войскамъ; смущенный его взглядъ выражаетъ необычайное волненье. Съ героизмомъ въ характерѣ Петра соединяется и чувство великодушія: на пиру, послѣ побѣды, онъ угощаетъ непріятельскихъ вождей и и поднимаетъ кубокъ за здравіе тѣхъ, которые были учителями русскихъ въ военномъ искусствѣ; узнавъ объ измѣнѣ Мазепы, онъ призываетъ изъ далекой ссылки семейства Искры и Кочубея; „онъ съ ними слезы проливаетъ, онъ ихъ, лаская, осыпаетъ и новой честью и добромъ.“

Особенно подробно обрисована въ поэмѣ личность Маріи. „Творческая кисть Пушкина (слова Бѣлинскаго) нарисовала намъ не одинъ женскій портретъ, но ничего лучше не создала она лица Маріи въ поэмѣ. Основаніе, сущность отношеній Мазепы и Маріи въ поэмѣ Пушкина историческія, и еще болѣе истинныя—поэтически,—и Пушкинъ умѣлъ ими воспользоваться, какъ истинно великій поэтъ.

Не только первый пухъ ланитъ
Да русы кудри молодыя,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

Подобное явленіе рѣдко, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Бываютъ женскія натуры, которыя, будучи исполнены страстей и энтузіазма, до безумія увлекаются и нравственнымъ могуществомъ мущины, украшеннымъ властію, и славой—увлекаются имъ, безъ

соображенія неравенства лѣтъ. Для такой женщины, самыя сѣдины прекрасны, и чѣмъ круче нравъ старика, тѣмъ за большее счастіе и честь для себя считаетъ она вліяніемъ своей красоты и любви укрощать его порывы, дѣлать его ровнѣе и мягче. Вотъ почему кроткая, робкая Дездемона такъ беззавѣтно отдалась старому воину, суровому Мавру—великому Отелло. Въ Маріи Пушкина это еще понятнѣе, ибо Марія, при всей непосредственности и неразвитости ея сознанія, одарена характеромъ гордымъ, твердымъ, рѣшительнымъ. Она была бы достойна слить свою судьбу не съ такимъ злодѣемъ, какъ Мазепа, но съ героемъ въ истинномъ значеніи этого слова. Ошибка Маріи состояла въ томъ, что она въ душѣ, готовой на все злое для достиженія своихъ цѣлей, думала увидѣть душу великую, дерзость безнравственности приняла за могущество героизма. Эта ошибка была ея несчастіемъ, но не виной. Марія, какъ женщина, велика въ этой ошибкѣ. На этомъ основаніи намъ понятна ея любовь... Но въ такой великой натурѣ любовь можетъ быть только преобладающею страстью, которая въ выборѣ не допускаетъ никакого совмѣстничества, даже никакого колебанія, но которая не заглушаетъ въ душѣ другихъ нравственныхъ привязанностей. И потому, блаженство любви не отнимаетъ въ сердцѣ Маріи мѣста для грустнаго и тревожнаго воспоминанія объ отцѣ и матери.

И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмеваетъ;
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И, мнится, пенямъ ихъ внимаетъ...

Но нигдѣ личность Маріи не возвышается, въ поэмѣ Пушкина, до такой апоѳеозы, какъ въ сценѣ ея объясненія съ Мазепой—сценѣ, написанной истинно шекспировской кистью. Когда Мазепа, чтобы разсѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ: нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ безпокойства; мало того, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что онъ не обманываетъ ее: она вѣритъ, что онъ не обманывается и въ своихъ надеждахъ... Ея ли женскому уму, воспитанному въ затворничествѣ, обреченному на от-

чужденіе отъ дѣйствительной жизни, ей ли знать, какъ опасны такія стремленія, и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, вѣритъ одному—что онъ, ея возлюбленный, такъ могущъ, что не можетъ не достичь всего, чего-бы только захотѣлъ,—и она восклицаетъ съ увѣренностью дитяти, сильнаго и разумнаго одною любовью, но не знаніемъ жизни:

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Вникните во всю эту сцену, разберите въ ней всякую подробность, взвѣсьте каждое слово: какая глубина, какая истина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая простота! Этотъ отвѣтъ Маріи: „Я! люблю-ли?“ это желаніе уклониться отъ отвѣта на вопросъ уже рѣшенный ея сердцемъ, но все еще страшный для нея: кто ей дороже: Мазепа или отецъ—и потомъ рѣшительный отвѣтъ при видѣ гнѣва Мазепы... какъ все это драматически, и сколько тутъ знанія женскаго сердца!“

Поэма „Полтава“ богата превосходными описаніями. Таково, напр., замѣчательное описаніе „Полтавскаго боя“; „великій живописецъ“, говоритъ Бѣлинскій, „могъ бы за честь себѣ поставить перевести на полотно, въ живыхъ краскахъ, живые стихи Пушкина, чтобъ рѣшить задачу, какъ воспользуется живопись предметомъ, столь мастерски выраженнымъ поэзіей. Тутъ задача живописца состояла бы уже не въ творчествѣ, а только въ творчески свободномъ переводѣ одного и того же предмета съ языка поэзіи на языкъ живописи: тутъ готовы и группы, и подробности, и лицо Петра — эта главнѣйшая задача всей картины“. Кромѣ того, поэма Пушкина замѣчательна по своему драматизму, таково, напр., мѣсто, гдѣ поэтъ изображаетъ Кочубея въ темницѣ и превосходно рисуетъ ту борьбу, которая происходитъ въ душѣ страдальца между чувствомъ мести и чувствомъ христіанскаго долга, повелѣвающаго прощать врагамъ. „Полтава богата (слова Бѣлинскаго) народностью въ выраженіи, почти всякое мѣсто, отдѣльно взятое въ ней, превосходитъ все, написанное прежде Пушкинымъ, по силѣ, полнотѣ и роскоши поэтическаго выраженія. Въ „Полтавѣ“ въ первый разъ стихъ Пушкина достигъ своего полнаго развитія... Критики того времени не безъ основанія придирались къ двумъ или тремъ неправильно

усѣченнымъ прилагательнымъ: сонну вмѣсто сонную, тризну тайну, вмѣсто тайную; на нѣсколько смѣлыхъ нововведеній, какъ напр. въ стихѣ: „Онъ, должный быть отцомъ и другомъ“. Мы укажемъ еще на нѣсколько погрѣшностей, какъ напр. на неумѣстные славянизмы: младой, благостыни, главы, и въ особенности на два поражающія свою неточностью выраженія: первое въ монологѣ Мазепы противъ Кочубея, котораго, Богъ знаетъ почему, онъ называетъ вольнодумцемъ и въ разговорѣ Орлика, который совѣтуетъ Кочубею на допросѣ питаться мыслію суровой. Но вотъ и все. За исключеніемъ этого, стихи въ „Полтавѣ“ верхъ совершенства“.

Какъ въ поэмѣ „Полтава“, такъ и въ небольшой стихотворной повѣсти „Мѣдный Всадникъ“ Пушкинъ изображаетъ Петра Великаго, какъ замѣчательнаго государя, какъ правителя, который всецѣло посвятилъ себя общественному благу. „Настоящій герой повѣсти (слова Бѣлинскаго)—Петербургъ. Оттого и начинается она грандіозною картиною Петра, задумывающаго основаніе новой столицы, и яркимъ изображеніемъ Петербурга въ теперешнемъ видѣ... Содержаніе разсказа составляетъ описаніе страшнаго наводненія, постигшаго Петербургъ въ 1824 году. Это плачевное событіе имѣетъ прямое отношеніе къ построенію Петромъ Великимъ Петербурга, не по одной этой причинѣ столь дорого стоившаго Россіи. Съ исторіею наводненія, какъ историческаго событія, поэтъ искусно слилъ частную исторію любви, сдѣлавшейся жертвою этого происшествія. Герой повѣсти—Евгеній. Однажды легъ онъ съ грустными мечтами о своемъ житьѣ-бытьѣ; вечеръ былъ мраченъ и буренъ. На другой день сдѣлалось наводненіе—„и всплылъ Петрополь какъ тритонъ, по поясъ въ воду погруженъ“. Когда наводненіе утихло, Евгеній на мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Параши, нашелъ одну иву—и ничего больше. Несчастный сошелъ съ ума. Бродя по улицамъ, преслѣдуемый мальчишками, получая удары отъ кучерскихъ плетей, разъ—

Онъ очутился подъ столбами
Большого дома. На крыльцѣ,
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые.
И прямо въ темной вышинѣ,
Подъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Въ этомъ безпрестанномъ столкновеніи несчастнаго съ „гигантомъ на бронзовомъ конѣ“ и въ впечатлѣніи, какое производитъ на него видъ Мѣднаго Всадника, скрывается весь смыслъ поэмы; здѣсь ключъ къ ея идеѣ. Въ этой поэмѣ видимъ мы горестную участь личности, страдающей какъ бы вслѣдствіе избранія мѣста для новой столицы, гдѣ подверглось гибели столько людей,—и наше сокрушенное сочувствіемъ сердце, вмѣстѣ съ несчастнымъ, готово смутиться; но вдругъ взоръ нашъ, упавъ на изваяніе виновника нашей славы, склоняется долу, — и въ священномъ трепетѣ, какъ бы въ сознаніи тяжкаго грѣха, бѣжитъ стремглавъ, думая слышать за собой, „какъ будто грома грохотанье, тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой“. Мы понимаемъ смущенною душою, что не произволъ, а разумная воля олицетворены въ этомъ Мѣдномъ Всадникѣ, который въ непоколебимой тишинѣ, „съ распростертою рукою, какъ бы любуется городомъ... И намъ чудится, что среди хаоса и тьмы этого разрушенія изъ его мѣдныхъ устъ исходитъ творящее „да будетъ!“, а простертая рука гордо повелѣваетъ утихнуть разъяреннымъ стихіямъ. И смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не отказываясь отъ нашего сочувствія къ страданію этого частнаго. При взглядѣ на Великана, гордо и неколебимо возносящагося среди всеобщей гибели и разрушенія и какъ бы символически осуществляющаго собою несокрушимость его творенія, мы, хотя и не безъ содраганія сердца, но сознаемся, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обезпечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость, и что его взглядъ на насъ есть уже его оправданіе. Да, эта поэма—апоѳеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только прійти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи“. Повѣсть „Мѣдный Всадникъ“ богата многими художественными описаніями. Приводимъ слѣд. отрывокъ, въ которомъ чрезвычайно наглядно поэтъ рисуетъ ужасную картину наводненія, бывшаго въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года:

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи
И блѣдный день ужъ настаетъ....
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури
И спорить стало ей не въ мочь...
По утру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы:
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ.
По поясъ въ воду погруженъ
Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга въ стёкла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, брёвна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ. Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать». Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.

Царь молвилъ:—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.

Изученіе русской исторіи было однимъ изъ любимыхъ занятій Пушкина въ послѣднее десятилѣтіе его жизни. Занимаясь въ архивахъ разборомъ матеріаловъ, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго, поэтъ случайно остановился и на исторіи Пугачевскаго бунта; онъ сталъ изучать это событіе и плодомъ изученія были 1) Исторія Пугачевскаго бунта, вышедшая въ 1834 году, и 2) повѣсть „Капитанская дочка,“ лучшее произведеніе изъ прозы Пушкина. „Капитанскую дочку“ относятъ обыкновенно къ отдѣлу повѣстей историческихъ, такъ какъ дѣйствующія лица ея вводятся въ историческую обстановку. Но справедливѣе называютъ нѣкоторые критики это произведеніе Пушкина „семейной хроникой,“ образцомъ которой служитъ въ русской литературѣ „Семейная хроника“ С. Т. Аксакова. Повѣсть Пушкина имѣетъ много сходства съ произведеніемъ Л. Н. Толстого „Война и Миръ.“ „Сходство есть (слова г. Страхова) и во внѣшней манерѣ, въ самомъ тонѣ и предметѣ разсказа; но главное сходство—во внутреннемъ духѣ обоихъ произведеній. „Капитанская дочка„ тоже не историческій романъ, то есть, вовсе не имѣетъ въ виду въ формѣ романа рисовать жизнь и нравы, уже ставшіе для насъ чуждыми, и лица, игравшія важную роль въ исторіи того времени. Историческія лица, Пугачевъ, Екатерина, являются у Пушкина мелькомъ въ немногихъ сценахъ, совершенно такъ, какъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ являются Кутузовъ, Наполеонъ и проч. Главное же вниманіе сосредоточено на событіяхъ частной жизни Гриневыхъ и Мироновыхъ, и историческія событія описаны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они прикасались къ жизни этихъ простыхъ людей. „Капитанская дочка,“ собственно говоря, есть *хроника семейства Гриневыхъ*; это—тотъ разсказъ о которомъ Пушкинъ мечталъ еще въ третьей главѣ „Онѣгина,“— разсказъ, изображающій „преданья русскаго семейства“... Нельзя не подивиться геніальности Пушкина. „Капитанская дочка“ имѣетъ всѣ внѣшнія формы романовъ Вальтеръ-Скотта: эпиграфы, раздѣленіе на главы и проч. Но, вздумавши подражать, Пушкинъ

написалъ произведеніе въ высшей степени оригинальное. Пугачевъ, напр., выведенъ на сцену съ такою удивительною осторожностью, какую можно найти только у гр. Л. Н. Толстого, когда онъ выводитъ передъ нами Александра I, Сперанскаго и пр. Пушкинъ очевидно считалъ дѣломъ легкомысленнымъ и недостойнымъ поэтическаго труда малѣйшее уклоненіе отъ строго исторической истины. Точно также романическая исторія двухъ любящихъ сердецъ доведена у него до простоты, въ которой исчезаетъ все романическое. И такимъ образомъ, хотя онъ считалъ необходимымъ—и основать завязку на любви, и ввести въ эту завязку историческое лицо, но въ силу своей неуклонной поэтической правдивости, онъ написалъ намъ не историческій романъ, а семейную хронику Гриневыхъ."

Обратимся къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Герой разсказа—молодой русскій дворянинъ Гриневъ. „Среди образцовъ XVIII ст. (слова г. Ключевскаго) не могъ Пушкинъ не отмѣтить и недоросля, и отмѣтить его безпристрастнѣе Фонвизина. У послѣдняго Митрофанъ сбивается на карикатуру, въ комическій анекдотъ. Въ исторической дѣйствительности недоросль не карикатура и анекдотъ, а самое простое вседневное явленіе, къ тому же не лишенное довольно почтенныхъ качествъ. Это—самый обыкновенный, нормальный русскій дворянинъ средней руки. Высшее дворянство находило себѣ пріютъ въ гвардіи, у которой была своя политическая исторія въ XVIII в., впрочемъ болѣе шумная, чѣмъ плодотворная. Скромнѣе была судьба нашихъ Митрофановъ. Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петрѣ I, со скукой при Екатеринѣ II, не дѣлали правительствъ, но рѣшительно сдѣлали нашу военную исторію XVIII в.—Это пѣхотные армейскіе офицеры и въ этомъ чинѣ они протоптали славный путь отъ Кунерсдорфа до Рымника и до Нови. Они съ русскими солдатами вынесли на своихъ плечахъ дорогіе лавры Миниховъ, Румянцевыхъ и Суворовыхъ. Пушкинъ отмѣтилъ два вида недоросля или точнѣе два момента его исторіи: одинъ является въ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горохина, Бѣлкинѣ, уже человѣкѣ XIX ст. и „временъ новѣйшихъ Митрофанѣ". Къ обоимъ Пушкинъ отнесся съ сочувствіемъ. Не даромъ и капитанская дочь, М. И. Миронова, предпочла добродушнаго армейца Гринева остроумному и знакомому съ французской литерату-

рой Швабрину. Историку XVIII ст. остается одобрить и сочувствіе Пушкина и вкусъ Марьи Ивановны. Чета Мироновыхъ, обитателей захолустной Бѣлогорской крѣпости, въ высшей степени типична. Это люди наивные, но добрые и способные къ геройскимъ поступкамъ. Капитанъ Иванъ Кузьмичъ смѣло жертвуетъ жизнью ради исполненія нравственнаго долга. Когда „Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю? комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: „ты мнѣ не государь: ты воръ и самозванецъ, слышишь ты!" Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ". Жена капитана, Василиса Егоровна, также желаетъ лучше сдѣлаться жертвою злодѣевъ, нежели разстаться съ мужемъ. „Батюшки мои! кричала бѣдная старушка, „отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу". Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. „Злодѣи! закричала она въ изступленіи: что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой! Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка. Не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника! „Унять старую вѣдьму!" сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца". Въ Василисѣ Егоровнѣ хорошо обрисовывается то захолустье, которое изображено въ повѣсти Пушкина. Управляетъ крѣпостью собственно не Иванъ Кузьмичъ, а Василиса Егоровна: она вмѣсто мужа принимаетъ Гринева, говоря: „все равно, батюшка, я его хозяйка"; она же приказываетъ Ивану Кузьмичу разсадить Швабрина и Гринева за дуэль по разнымъ угламъ на хлѣбъ и на воду. Характеръ Марьи Ивановны обрисованъ весьма симпатичными чертами. Это простая, добрая, правдивая дѣвушка: полюбивъ Гринева, она признается ему съ полнѣйшею искренностью, безъ всякаго жеманства. Марья Ивановна благоговѣетъ передъ русскими обычаями и порядками: когда Гриневъ уговариваетъ ее выйти за него безъ согласія родителей, „нѣтъ, Петръ Андреичъ", отвѣчала Маша, „я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ

суженую, коли полюбишь другую—Богъ съ тобой, а я за васъ обоихъ"... Тутъ она заплакала". Хотя Марья Ивановна была очень робкая и застѣнчивая, такъ какъ росла въ захолустьѣ, вдали отъ общества, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ глубокой любви къ Гриневу, въ ней пробуждается чувство самоотверженія и сила воли: она одна отправляется въ незнакомый городъ, гдѣ попадаетъ во дворецъ Екатерины II, и своимъ чистосердечнымъ признаніемъ спасаетъ своего жениха. Съ большимъ искусствомъ очерчены также дядька Гринева Савельичъ и Пугачевъ, личности, взятыя изъ среды народа. Въ Савельичѣ много комическаго, онъ часто забавенъ своею наивностью, тѣмъ не менѣе онъ возбуждаетъ симпатію нѣкоторыми чертами своего характера. Изъ-за преданности барину Савельичъ горой стоитъ за его имущество и готовъ жертвовать ради него своею жизнію. Представляя Пугачеву реестръ вещей Гринева, раскраденныхъ злодѣями, онъ упоминаетъ и о заячьемъ тулупчикѣ, который подарилъ Гриневъ Пугачеву по дорогѣ въ Оренбургъ. „Заячій тулупъ! „закричалъ самозванецъ. „Да знаешь ли, что я съ тебя живого кожу велю содрать на тулупы?" „Какъ изволишь, отвѣчалъ Савельичъ: „а я человѣкъ подневольный и за барское добро долженъ отвѣчать". Изображая въ Савельичѣ типъ стариннаго двороваго человѣка, писатель не скрываетъ отъ насъ и тѣхъ негуманныхъ отношеній, которыя существовали тогда, благодаря крѣпостному праву; такъ Гриневъ въ минуту досады называетъ своего слугу старымъ хрычемъ, собирается прогнать его въ зашеи; отецъ Гринева въ письмѣ къ Савельичу пишетъ по поводу дуэли сына: „стыдно тебѣ, старый песъ, что ты, не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не донесъ о сынѣ моемъ... Я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за утайку правды". „Образъ Пугачева (слова г. Скабичевскаго) по строгой, трезвой реальности, историческому безпристрастію и глубинѣ пониманія представляетъ верхъ художественнаго совершенства. Можно смѣло сказать, что во всей нашей литературѣ другого такого Пугачева вы не найдете. Изобразить вѣрно и въ настоящемъ свѣтѣ подобнаго рода личность тѣмъ труднѣе, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ она на воображеніе и невольно влечетъ художника къ какимъ-нибудь преувеличиніямъ. Стоило Пушкину немножко болѣе чѣмъ слѣдуетъ перепустить густыхъ черныхъ красокъ, что было такъ легко сдѣлать сообразно тому ужасу и отвращенію, какое внушалъ Пугачевъ

въ современникахъ Пушкина, и вышелъ бы мелодраматическій злодѣй, ни съ чѣмъ несообразное нравственное чудовище; стоило бы отъ живой дѣйствительности хоть на одинъ шагъ вступить въ область эффектныхъ романтическихъ образовъ, и вышло бы нѣчто въ родѣ Карла Моора, образъ очень красивый самъ по себѣ, но чуждый исторической правды. Пушкинъ геніально избѣгъ и того и другого. Ему и Пугачева удалось свести на почву осязательной и будничной дѣйствительности... Это вовсе не злодѣй и не герой, вовсе не человѣкъ устрашающій и увлекающій толпу обаяніемъ какимъ-нибудь и грозной и бездонной мрачностью своей демонической натуры и тѣмъ болѣе отнюдь не фанатикъ, сознательно стремившійся къ разъ намѣченной цѣли. До самаго конца романа онъ остается все тѣмъ же случайнымъ степнымъ бродягою и добродушнымъ плутомъ. При иныхъ обстоятельствахъ изъ него вышелъ бы самый заурядный конокрадъ, но историческія обстоятельства внезапно сдѣлали изъ него совершенно неожиданно для него самого самозванца, и онъ слѣпо влечется силою этихъ обстоятельствъ, при чемъ вовсе не онъ ведетъ за собою толпу, а толпа влечетъ его. Натура его въ сущности вовсе не хищная и не кровожадная, онъ радъ-бы и прощать добродушіе, не покидающее его до конца романа, заставляетъ его помнить мелочную дорожную услугу, оказанную ему Гриневымъ, онъ готовъ казнить Швабрина, защищая отъ его козней сироту, но всѣ эти добрые порывы идутъ совершенно въ разрѣзъ съ настроеніемъ окружающей его толпы, возбуждаютъ въ ней протесты, и отдаваясь имъ урывками, онъ поневолѣ долженъ напускать на себя грозное величіе и безпощадность“.

Такъ обрисованы главныя лица повѣсти Пушкина. „Мысль о романѣ (слова Гоголя), который бы повѣдалъ простую, безъискусственную повѣсть прямо русской жизни, занимала Пушкина въ послѣднее время неотступно. Онъ бросилъ стихи единственно затѣмъ, чтобы не увлечься ничѣмъ по сторонамъ и быть проще въ описаніяхъ, и самую прозу упростилъ онъ до того, что даже не нашли никакого достоинства въ первыхъ повѣстяхъ его. Пушкинъ былъ этому радъ и написалъ „Капитанскую дочку“, рѣшительно лучшее русское произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. Сравнительно съ „Капитанскою дочкою“ всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазнею. Чистота и безъискусственность взошли въ ней на такую высокую степень, что

сама дѣйствительность кажется передъ нею искусственною и карикатурною. Въ первый разъ выступили истинно-русскіе характеры—простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ; сама крѣпость съ единственною пушкою, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все—не только самая правда, еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и быть должно: на то и призваніе поэта, чтобъ изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ и лучшемъ видѣ. Все показывало въ Пушкинѣ, что онъ на то былъ рожденъ и къ тому стремился".

Стремленіе Пушкина къ изображенію русскихъ характеровъ и простой обыденной жизни русской выразилось также въ „Повѣстяхъ Бѣлкина", въ юмористической „Лѣтописи села Горохина" и въ повѣсти „Дубровскій". Бѣлкинъ—это самъ Пушкинъ, измѣнившій, по мнѣнію А. Григорьева, направленіе своего творчества. Первоначально Пушкинъ пламенно и глубоко сочувствовалъ всему великому, что онъ встрѣчалъ готовымъ въ западно-европейской поэзіи, преимущественно у Байрона; затѣмъ онъ сталъ критически относиться къ чуждымъ формамъ, къ типамъ байронизма, разоблачалъ героевъ, созданныхъ по образцу Байрона, и наконецъ дошелъ, какъ выражается Ап. Григорьевъ, до своей почвы" т. е. перешелъ къ возсозданію такихъ сторонъ и явленій русской жизни, которыя бралъ онъ изъ дѣйствительности, и надо сказать, съумѣлъ такъ подойти къ ней, что она открыла ему всю поэзію, какая только въ ней была. Бѣлкинъ въ предисловіи къ своимъ повѣстямъ говоритъ, что содержаніе ихъ основано на разсказахъ, которые слышалъ авторъ отъ разныхъ особъ. И дѣйствительно, всѣ пять повѣстей Бѣлкина не заключаютъ въ себѣ ничего фантастическаго, ничего вымышленнаго; ибо въ нихъ описаны самыя обыденныя явленія жизни, обрисованы такіе характеры, которые выхвачены прямо изъ русской дѣйствительности, а не созданы воображеніемъ, что позволяли дѣлать себѣ предшествовавшіе Пушкину романисты, подобные, напр., Марлинскому. „Станціонный смотритель" и „Гробовщикъ" можно признать лучшими изъ повѣстей Бѣлкина. Въ первой повѣсти авторъ разсказываетъ о судьбѣ станціоннаго смотрителя. Любимая дочь смотрителя, Дуня, убѣгаетъ изъ родительскаго дома съ проѣзжимъ гусаромъ Минскимъ и дѣлается его любовницею; отецъ, для котораго дочь была единственнымъ утѣшеніемъ, долго мучается разлукой съ нею, но наконецъ, узнавъ, что она въ Петербургѣ,

отправляется туда отыскивать ее; онъ находитъ свою Дуню среди роскошной барской обстановки, но Минскій, взбѣшенный появленіемъ старика, выталкиваетъ его вонъ; бѣдный старикъ возвращается обратно на свою станцію и тамъ умираетъ отъ пьянства. Разсказъ повѣсти самый простой, но она важна не столько по содержанію, сколько по отношенію автора къ изображаемымъ явленіямъ жизни. Бѣлкинъ хочетъ пробудить въ душѣ читателя чувство состраданія какъ къ своему герою, такъ и вообще къ людямъ, испытывающимъ несчастія. „Кто не проклиналъ (такъ начинается повѣсть) станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранился?... Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подъячимъ или, по крайней мѣрѣ, муромскими разбойниками? Будемъ, однако, справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе... Вникнемъ во все хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнится искреннимъ состраданіемъ“. Но, при всемъ сочувственномъ отношеніи къ герою, Бѣлкинъ, однако, не преувеличиваетъ своихъ симпатій къ нему, не впадаетъ въ сентиментальный тонъ, столь излюбленный романистами до-пушкинской эпохи. Онъ не скрываетъ отъ читателя и такихъ сторонъ въ характерѣ героя, которыя не имѣютъ ничего общаго съ возвышенными побужденіями. „Когда смотритель вышелъ изъ квартиры Минскаго и увидѣлъ въ рукахъ нѣсколько ассигнацій, то на его глазахъ навернулись слезы негодованія; онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на землю, притопталъ каблуками и пошелъ. Но отошедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ и воротился“. Говоря о томъ, что смотритель во время разсказа о потерѣ дочери плакалъ, Бѣлкинъ замѣчаетъ, что „слезы эти отчасти возбуждены были пуншемъ, коего выпилъ онъ пять стакановъ въ продолженіе своего повѣствованія; но какъ бы то ни было, онѣ сильно тронули мое сердце“. Героями повѣсти „Гробовщикъ“ являются люди изъ низшихъ слоевъ общества: самъ гробовщикъ, Адріанъ Прохоровъ, человѣкъ угрюмый и задумчивый, нарушавшій молчаніе только тогда, когда приходилось ему журить своихъ дочерей; сапожникъ Готлибъ Шульцъ, считавшій ремесло гробовщика выгоднѣе своего потому, что „живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живетъ“; наконецъ будочникъ Юрко, важно расхаживавшій около будки съ сѣкирою и въ бронѣ сермяжной. Въ повѣсти очень

живо описана пирушка, которую устраиваетъ Шульцъ по случаю своей серебряной свадьбы. Это произведеніе Бѣлкина замѣчательно еще и тѣмъ, что въ немъ, по словамъ Ап. Григорьева, лежитъ зерно того натурализма, который впослѣдствіи въ большемъ объемѣ явился въ повѣстяхъ и романахъ Писемскаго. „Исторія села Горохина“—это отчасти шуточное, отчасти сатирическое произведеніе того же Бѣлкина. Подобно настоящимъ историкамъ Бѣлкинъ приложилъ и къ своему труду списокъ источниковъ: 1) собраніе календарей въ 55 частяхъ, лѣтопись которыхъ отличалась необыкновенною краткостью и ясностью, напр.: 4-го мая снѣгъ, Тришка за пьянство битъ, 6-го корова бурая пала, Сенька за пьянство битъ, 11-го погода ясная, затравилъ трехъ зайцевъ; 2) Лѣтопись горохинскаго дьячка, пріобрѣтенная за четверть овса, 3) Изустныя преданія и 4) Ревизскія сказки. Исторія села раздѣлена на двѣ части: времена баснословныя и времена историческія. Содержаніемъ ея служатъ нѣкоторыя черты и явленія эпохи крѣпостного права: грозныя требованія господъ о присылкѣ двойного оброка, мірской сходъ, отличающійся безтолковостью, рекрутчина, семейная жизнь, гдѣ сначала жены бьютъ своихъ мужей, а потомъ мужья въ свою очередь начинаютъ бить женъ; кулачные бои, пьянство, наконецъ самый языкъ мужиковъ, бѣдный, „со всякими сокращеніями и усѣченіями,“ показывающій далеко невысокій уровень ихъ умственнаго развитія, и т. д. Комизмъ „Исторіи Горохина“ поддерживается тѣмъ, что авторъ старается придать торжественность своему стилю при описаніи самыхъ простыхъ предметовъ. „Комизмъ положенія человѣка (слова Ап. Григорьева), который считаетъ себя обязаннымъ по своему образованію смотрѣть какъ на нѣчто себѣ чуждое, на то, съ чѣмъ у него гораздо болѣе общаго, чѣмъ съ пріобрѣтенными имъ верхушками образованности, является необыкновенно ярко въ лицѣ автора „Исторіи села Горохина“. Эта лѣтопись—тончайшая и вмѣстѣ добродушно-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковою полосою нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностью, изъ которой мы вынесли взглядъ, совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво скрыты и всѣ наши прошлые взгляды на нашъ бытъ и нашу старину, выражавшіеся то стихами въ родѣ: „россійскіе князья, бояре, воеводы, пришедшіе

чрезъ Донъ отыскивать свободы," то фразами, какъ напримѣръ „Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ трупами" или „отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной". Здѣсь критикъ указываетъ на то, что „Исторія села Горохина" есть сатира на „Исторію" Карамзина. *) „Въ этомъ легкомъ очеркѣ (продолжаетъ онъ) помимо безпощадной ироніи есть еще нѣчто высшее: изображая съ важностью древнихъ историковъ страну, называемую Горохинымъ, и живописуя вычурнымъ тономъ нравы ея обитателей, Бѣлкинъ обнаруживаетъ удивительное знаніе этихъ нравовъ и кромѣ того совершенно правильное къ нимъ отношеніе. Всѣ наши жилы бились въ натурѣ Пушкина, и въ настоящую минуту литература наша развиваетъ только его задачи—въ особенности же типъ и взглядъ Бѣлкина. Бѣлкинъ, который писалъ въ „Капитанской дочкѣ" хронику семейства Гриневыхъ, написалъ и „хронику семейства Багровыхъ"; Бѣлкинъ—и у

*) Отношеніе „Лѣтописи села Горохина" къ „Исторіи" Карамзина опредѣляетъ г. Страховъ въ своей книгѣ „Замѣтки о Пушкинѣ". „Лѣтопись села Горохина" говоритъ онъ) писана языкомъ карамзинской „Исторіи", этимъ знаменитымъ слогомъ, въ которомъ русская проза впервые зазвучала нѣсколько искуственною и монотонною, но ясною мелодіею. Расположеніе пародіи Пушкина напоминаетъ первый томъ „Исторіи Государства Россійскаго". Вступленіе соотвѣтствуетъ предисловію... Карамзинъ всячески восхваляетъ древнихъ славянъ; такимъ же хвалебнымъ тономъ пишетъ Бѣлкинъ о своихъ горохинцахъ. Карамзинъ: „славяне имѣли въ странѣ своей истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства, и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ которомъ издревле упражнялись". Бѣлкинъ: „Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благорастворенньмъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся: рожь, овесъ, ячмень и гречиха". Карамзинъ: „поляне были образованнѣе другихъ. Древніе славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ называемыхъ искусствъ изящныхъ. Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо всѣ народы славянскіе донынѣ любятъ ихъ". Бѣлкинъ: „и музыка была всегда любимое искусство образованныхъ горохинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою". Но еще сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ чертахъ, въ общемъ тонѣ „Лѣтописи села Горохина" чувствуется удивительно-схваченная манера Карамзина; перечитывая потомъ первый томъ „Исторіи", нельзя не чувствовать глубокой фальши, въ которую впалъ Карамзинъ, рѣзкаго, и потому смѣшного противорѣчія между предметомъ и изложеніемъ. И такъ, вотъ что сдѣлалъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ лукавую и веселую дерзость. Онъ рѣшился подсмѣяться надъ нашими лѣтописями и надъ великимъ трудомъ Карамзина, безъ сомнѣнія, величайшимъ произведеніемъ русской литературы до Пушкина... Но сквозь насмѣшки Пушкина сквозитъ истина дѣла; какъ живое, встаетъ передъ вами Горохино, и вы начинаете догадываться, въ какомъ правдивомъ свѣтѣ можно бы изложить исторію нашихъ предковъ, Карамзинъ, очевидно, употребилъ для этой исторіи чужія мѣрки, облекъ ее въ ложныя краски; Пушкинъ глубоко почувствовалъ фальшь и попробовалъ сдѣлать нѣсколько штриховъ, вполнѣ вѣрныхъ дѣйствительности: контрастъ вышелъ поразительный. Для нашихъ историковъ, „Лѣтопись села Горохина" должна служить постояннымъ указаніемъ на то, къ чему они должны направлять всѣ усилія при изображеніи далекой старины, людей и нравовъ, стоящихъ на совершенно иныхъ ступеняхъ развитія. имѣющихъ совершенно иныя формы жизни. Всему своя мѣра".

Тургенева и у Писемскаго; Бѣлкинъ отчасти и у Толстого,— ибо Бѣлкинъ Пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грезились ей различные міры". Этими словами Ап. Григорьевъ указываетъ на то, что, съ появленіемъ произведеній Бѣлкина, въ русской литературѣ прошла пора увлеченія идеалами западно-европейской поэзіи: писатели, благодаря повороту, совершившемуся въ направленіи творчества Пушкина, обратились къ непосредственному изученію русской жизни, изъ нея стали черпать свои картины и образы, при чемъ въ характерахъ и типахъ исчезла та фальшивая идеализація, которая господствовала въ беллетристическихъ произведеніяхъ предшественниковъ Пушкина.

Интересъ романа „Дубровскій" заключается, главнымъ образомъ, въ описаніи быта и нравовъ современныхъ помѣщиковъ, въ характеристикѣ стариннаго судопроизводства. Бытъ помѣщичій обрисованъ въ лицѣ Троекурова. „Великій хлѣбосолъ" и въ то же время великій деспотъ, Троекуровъ хотя и принадлежалъ къ тому кругу общества, которое называло себя образованнымъ, но проводилъ время въ самыхъ грубыхъ развлеченіяхъ. „Проголодавшагося медвѣдя запрутъ, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ противоположный уголъ могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустынникомъ. Бѣдный гость, съ оборванною полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился на дыбы, ревѣлъ, рвался и силился до него дотянутся". „Таковы были, иронически замѣчаетъ поэтъ, „благородныя увеселенія русскаго барина!" Безграничное своенравіе Троекурова отзывалось и на его родной дочери: онъ то угождалъ малѣйшимъ ея прихотямъ, то пугалъ ее суровымъ и даже жестокимъ обращеніемъ. Мѣстныя власти, изъ боязни, подчинялись вполнѣ Троекурову: засѣдателя онъ въ грошъ не ставилъ, а исправникъ былъ у него на посылкахъ; такимъ образомъ, своеволію барина былъ полный просторъ. Но Пушкинъ изображаетъ и хорошія

черты въ Троекуровѣ: когда Кистиневка, имѣніе старика Дубровскаго, по проискамъ засѣдателя, была отнята и Шабашкинъ явился къ Троекурову съ поздравленіемъ, то „Кириллъ Петровичъ смутился. Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко; совѣсть его роптала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его противникъ, старый товарищъ его молодости, и побѣда не радовала его сердца. Онъ взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чтобъ его выбранить, но, не нашедъ достаточнаго къ тому предлога, сказалъ ему сердито: „Пошелъ вонъ; не до тебя!“ Троекуровъ представленъ совершенно необразованнымъ человѣкомъ; по крайней мѣрѣ, онъ никогда ничего не читалъ, кромѣ „Совершенной поварихи“. Недурно обрисована въ повѣсти и дочь Троекурова Маша: это одна изъ заурядныхъ провинціальныхъ барышенъ, воспитанная на французскихъ книжкахъ; для нея, усвоившей себѣ всѣ аристократическіе предразсудки, „учитель былъ родъ слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною“. Весьма удался также Пушкину кн. Верейскій (слова Ключевскаго), достойный зять Троекурова. Это—настоящее созданіе Екатерининской эпохи, цвѣтокъ, выросшій на почвѣ закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянскаго просвѣщенія. Подобными ему людьми до скуки переполняется высшее русское общество съ конца царствованія Екатерины. За границей они растрачивали богатый дѣдовскій и отцовскій запасъ нервовъ и звонкой наличности и возвращались въ Россію платить долги. Кн. Верейскій жилъ за моремъ и, пріѣхавъ умирать въ Россію, напрасно пытался оживить угасшія силы и затѣями сельской роскоши, и разцвѣтшей на сельскомъ привольѣ дочерью Троекурова. Онъ—иначе редижированный Троекуровъ: его европеизованное варварство изъ остраго и буйнаго Троекуровскаго переродилось въ тихое, меланхолическое, не подъ гуманизирующимъ вліяніемъ Монтескье или Вольтера, а просто потому, что тесть привезъ въ деревню изъ Петербурга мускулы и нервы, чего зять уже не привезъ изъ Парижа. Отсюда „непрестанная скука кн. Верейскаго, которая съ его легкой руки стала непремѣнной особенностью дальнѣйшихъ видовъ этого типа“. Замѣчательна также въ повѣсти личность Архипа Кузнеца. Пушкинъ, благодаря своему непосредственному чутью народной жизни, съумѣлъ подмѣтить въ этой личности весьма оригинальную черту:

Архипъ равнодушно сжигаетъ домъ съ приказными, но въ то же время, когда мальчишки смѣются надъ кошкой, жалобно мяукавшей на крышѣ, онъ со словами: „чему вы смѣетесь, бѣсенята? Бога вы не боитесь; Божья тварь погибаетъ“, лѣзетъ на верхъ и полуобгорѣлый возвращается съ своей добычей. Таковы типы и характеры, представленные въ повѣсти „Дубровскій“. Повѣсть „Дубровскій“ (слова Анненкова) была написана съ небольшимъ въ три мѣсяца... Эта быстрота сочиненія объясняетъ нѣкоторые перерывы и отчасти романическій конецъ ея, который разнорѣчитъ съ сущностью всего остального содержанія, замѣчательнаго строгою вѣрностью съ дѣйствительнымъ бытомъ и нравами описываемаго общества. Пушкинъ нарисовалъ свою картину съ особенной энергіей, а въ характерѣ Троекурова явился глубокимъ психологомъ. Вся повѣсть его и теперь поражаетъ соединеніемъ истины и поэзіи. Въ русской литературѣ мало разсказовъ, отличающихся такимъ твердымъ выраженіемъ физіономіи: это живопись мастера. Весьма важно для литературныхъ соображеній и то, что „Дубровскій“ написанъ ранѣе произведеній Гоголя изъ русскаго быта, веденъ иначе, чѣмъ они и совсѣмъ въ другомъ тонѣ; но мысль поставить современную жизнь на главный планъ, сохраняя ей тѣ черты поэзіи, драмы и особенностей, какія она заключаетъ въ себѣ, имъ обща“.

~~~~~~~~~~

Народность поэзіи Пушкина, помимо указанныхъ выше произведеній, выразилась также и въ его балладахъ. Этотъ родъ поэзіи былъ начатъ и утвержденъ въ русской литературѣ В. А. Жуковскимъ. Въ то время подъ балладою разумѣли краткій разсказъ о любви, большею частію несчастной; „могилу, крестъ, привидѣніе, ночь, луну, а иногда домовыхъ и вѣдьмъ (слова Бѣлинскаго) считали принадлежностью этого рода поэзіи—больше же ничего не подозрѣвали“. Баллады Жуковскаго, какъ и все, что было написано этимъ поэтомъ, отличаются нѣмецкимъ романтизмомъ; про нихъ можно сказать тоже, что сказалъ самъ Жуковскій о балладѣ „Свѣтлана“: въ ней большія чудеса, очень мало складу,“ т. е. что содержаніе балладъ всецѣло было проникнуто фантастическимъ элементомъ; въ нихъ изображался, по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками, конечно очаро-
~~~~~~~~~~

вательными и милыми, но тѣмъ не менѣе неуловимыми. Не то совершенно мы видимъ въ балладахъ Пушкина. Онъ, правда, сохраняетъ присущую балладѣ фантастичность, но она не играетъ у него существенной роли, какъ это мы видимъ у Жуковскаго, являясь лишь формой, въ которой поэтъ или выражаетъ картины народнаго быта, ему современнаго, или описываетъ бытъ и нравы русской старины. Въ балладѣ „Утопленникъ“ разсказывается о томъ, какъ крестьянинъ рыбакъ, изъ боязни суда, отталкиваетъ отъ берега трупъ мертвеца, случайно попавшаго въ его сѣти, и какъ потомъ ночью, когда поднялась зимняя вьюга, онъ видитъ въ окнѣ этотъ трупъ въ самомъ безобразномъ видѣ и приходитъ въ ужасъ отъ призрака. Въ формѣ фантастическаго разсказа Пушкинъ рисуетъ въ высшей степени правдивую картину дѣйствительности. Испугъ мужика, при извѣстіи о появленіи мертвеца въ сѣтяхъ, совершенно естественъ: онъ знаетъ по опыту, что къ нему нагрянутъ корыстолюбивые судьи, разорятъ его въ конецъ поборами, и онъ отталкиваетъ мертвеца отъ берега. Но, поступивъ такъ подъ вліяніемъ житейскаго расчета, мужикъ нарушаетъ долгъ христіанина, повелѣвающій ему предать покойника землѣ; отсюда его мучительное положеніе, когда, подъ вліяніемъ свойственнаго простому человѣку суевѣрія, онъ представляетъ себѣ то, чего въ дѣйствительности быть не можетъ и что было только созданіемъ его испуганнаго воображенія. Въ балладѣ встрѣчается много простонародныхъ словъ и оборотовъ; видно, что Пушкинъ былъ непосредственно знакомъ съ языкомъ русскаго народа и умѣлъ примѣнить его кстати. Изъ міра народныхъ суевѣрій заимствована Пушкинымъ и другая баллада его „Бѣсы“. Здѣсь поэтъ живо представляетъ то впечатлѣніе, которое производитъ зимняя буря на простого человѣка. Суевѣрная фантазія народа, еще не знающаго естественныхъ причинъ явленія, объясняетъ бурю, какъ одно изъ проявленій бѣсовской силы: ямщику кажется, что повсюду кругомъ толпятся цѣлые рои бѣсовъ, которые надрываютъ сердце своимъ жалобнымъ визгомъ и воемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ хотѣлъ выразить и вообще впечатлѣніе на человѣка зимней вьюги. „Желаніе передать его (слова В. Я. Стоюнина) и вызвало самое стихотвореніе. Поэтъ только воспользовался образомъ, созданнымъ народной фантазіей, и развилъ его въ поэтическій образъ, согласно съ дѣйствительнымъ впечатлѣніемъ“. Такимъ образомъ и

въ другой балладѣ Пушкинъ весьма искусно соединилъ фантастичность разсказа съ русской дѣйствительностью; въ мірѣ призраковъ онъ съумѣлъ подмѣтить черты русской жизни и картины природы и воспроизвести ихъ съ такою правдою, какая не давалась ни одному изъ его предшественниковъ. Но фантазія поэта, какъ мы уже видѣли, находила образы и въ прошломъ Россіи; такова его баллада „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ", сюжетъ которой заимствованъ изъ народнаго преданія, записаннаго въ лѣтописи Нестора. Представляя вѣрованіе древнерусскаго человѣка въ судьбу въ связи съ господствовавшими въ древности нравами и обычаями, поэтъ въ цѣломъ рядѣ картинъ изображаетъ два русскіе характера: князя и кудесника или волхва. Въ Олегѣ представлены типическія черты древнерусскаго князя: воинственность, жестокость въ борьбѣ съ врагами, суевѣріе; Олегъ глубоко вѣруетъ въ обычай кровавой мести: идя противъ хазаръ, онъ безжалостно истребляетъ ихъ села и нивы, сжигаетъ все, что попадается ему по пути. Олегъ гордъ и высокомѣренъ: онъ говоритъ кудеснику: „открой мнѣ всю правду, не бойся меня". Кудесникъ-это маститый старикъ, проведшій всю свою жизнь въ гаданьяхъ и мольбахъ; предсказывать людямъ волю боговъ — его задача. Его не прельщаютъ мірскія приманки: любя правду, онъ отказывается отъ княжескаго дара и на слова князя спокойно, но съ сознаніемъ достоинства, отвѣчаетъ: „волхвы не боятся могучихъ владыкъ, и княжескій даръ имъ не нуженъ; правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ и съ волей небесною друженъ". По художественности изложенія баллада принадлежитъ къ лучшимъ стихотвореніямъ Пушкина: проникнутая чисто русскимъ складомъ, она отъ начала до конца превосходно выдержана въ тонѣ и содержаніи.

Выше мы видѣли, что Пушкинъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ народнымъ русскимъ сказкамъ, съ которыми познакомился онъ, главнымъ образомъ, чрезъ посредство своей няни, Арины Родіоновны. Въ подражаніе имъ Пушкинъ написалъ пять слѣдующихъ сказокъ: 1) Сказка о царѣ Салтанѣ, 2) Сказка о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ, 3) О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ, 4) О золотомъ пѣтушкѣ, 5) О рыбакѣ и рыбкѣ; лучшею изъ этихъ сказокъ должна быть признана послѣдняя, какъ по тону изложенія, такъ и по языку. Какъ тонко

Пушкинъ умѣлъ понимать красоту народной поэзіи, видно изъ слѣдующихъ неоконченныхъ стиховъ:

Только что на проталинкахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро ль луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душиста?

3. Драматическія произведенія.

Содержаніе. Разборъ трагедіи „Борисъ Годуновъ“: ходъ дѣйствія трагедіи по сценамъ,—идея пьесы; характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ;—отношеніе Пушкина къ Шекспиру; сравненіе Бориса съ Макбетомъ; отношеніе Пушкина къ „Исторіи Карамзина и къ лѣтописямъ; значеніе трагедіи въ исторіи русской драмы, достоинства ея формы и языка. Разборъ драматическихъ сценъ: „Скупой рыцарь“ и „Русалка“.

Изъ драматическихъ произведеній Пушкина первое мѣсто должна занимать историческая хроника „Борисъ Годуновъ,“ писанная въ теченіе 1825 года и заключающая въ себѣ художественное изображеніе историческихъ событій отъ 1598 г. т. е. отъ вступленія Бориса Годунова на царство до смерти сына его Θеодора въ 1605 году. „Поэтъ“ (слова А. И. Незеленова) глубоко любилъ свою драму и совершенно сознавалъ и ея общее значеніе, и ея значеніе такъ сказать субъективное, по отношенію къ его собственной личности, и потому онъ долго не рѣшался выпустить ее въ свѣтъ; она появилась въ печати, какъ извѣстно, лишь черезъ пять лѣтъ послѣ написанія. Взволнованный ожиданіями и сомнѣніями — какъ ее встрѣтитъ читающее общество, Пушкинъ писалъ тогда одному изъ своихъ знакомыхъ: ,,хотя я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь: неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: c'est une oeuvre de bonne foi“. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждаю-

щаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ—одобреніе малаго числа избранныхъ“.

Трагедія „Борисъ Годуновъ“ состоитъ изъ 24 сценъ. Прослѣдимъ вкратцѣ развитіе дѣйствія въ пьесѣ.

Сцена 1. Кремлевскія палаты. Здѣсь представлена бесѣда двухъ бояръ, Шуйскаго и Воротынскаго. Воротынскій недоумѣваетъ, согласится ли Годуновъ принять престолъ; но Шуйскій, хитрый царедворецъ, старается разсѣять его недоумѣнія: „Борисъ еще поморщится“ (говоритъ онъ) „немного, что пьяница предъ чаркою вина, и наконецъ по милости своей принять вѣнецъ смиренно согласится, а тамъ... а тамъ онъ будетъ нами править попрежнему“. Въ этой сценѣ особенно важны слова Воротынскаго: „конечно, кровь убитаго младенца ему ступить мѣшаетъ на престолъ“, ибо они указываютъ на идею пьесы, согласно съ которой дѣлается поэтомъ и выборъ подробностей.

Сцена 2 и 3 происходятъ на Красной площади и на Дѣвичьемъ полѣ; въ нихъ читатель знакомится съ отношеніемъ народа къ Борису. Въ народѣ волненіе, но многіе не понимаютъ, что дѣлается.

Сцена 4. Кремлевскія палаты. Рѣчь Бориса къ патріарху и къ боярамъ. Высказывая, что принимаетъ власть со страхомъ и смиреніемъ, Борисъ проситъ Бога послать ему благословенье на власть, чтобы править народомъ во славѣ, и обращается къ боярамъ за содѣйствіемъ ему въ тяжелой его обязанности. Конецъ сцены, происходящій между Воротынскимъ и Шуйскимъ, рисуетъ уклончивый и лукавый характеръ послѣдняго.

Сцена 5. Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ. Монахъ Пименъ пишетъ лѣтопись, и разсуждаетъ о ея цѣляхъ и задачахъ. Послушникъ Григорій просыпается и разсказываетъ старцу свой тревожный сонъ, снившійся ему три раза. Пименъ, какъ монахъ, совѣтуетъ Григорію смирять себя молитвой и постомъ; чтобы убѣдить его въ этомъ, Пименъ говоритъ, что всѣ мірскія удовольствія только грѣхъ, и приводитъ въ примѣръ не только себя но и царей, которые не разъ свой тяжелый вѣнецъ мѣняли на клобукъ. Далѣе Пименъ разсказываетъ о царѣ Ѳеодорѣ, объ убіеніи Дмитрія царевича. Разсказы о послѣднемъ воспламеняютъ

воображенiе Григорiя: подъ ихъ влiянiемъ у него является мысль быть орудiемъ небесной кары Борису за его злодѣянiе.

Сцена 6. Палаты Патрiарха; изъ нея узнаемъ, что Григорiй началъ ужъ дѣйствовать.

Сцена 7. Царскiя палаты. Монологъ царя Бориса, обрисовывающiй тревожное состоянiе его души; онъ вспоминаетъ о томъ, какъ враждебно относился къ нему народъ, обвинявшiй его во всѣхъ бѣдствiяхъ государства; его мучаютъ угрызенiя совѣсти, и онъ восклицаетъ: „да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!"

Сцена 8. Корчма на литовской границѣ; изъ нея мы узнаемъ, что Григорiй бѣжитъ въ Литву. Его разыскиваютъ разосланные по-всюду царскiе пристава, но онъ ускользаетъ отъ нихъ, чтобы окончательно вступить въ борьбу съ Борисомъ.

Сцена 9. Москва. Домъ Шуйскаго. Эта сцена прекрасно обрисовываетъ отношенiе бояръ къ Борису уже въ шестой годъ его царствованiя. Бесѣда идетъ о появленiи самозванца; Шуйскiй говоритъ, что если вѣсть о немъ дойдетъ до народа, то „быть грозѣ великой!" Бояринъ Пушкинъ описываетъ жестокости Бориса, его подозрительность, преслѣдованiе бояръ тюрьмами, опалою, а часто и голодною смертью; онъ осуждаетъ мѣры царя, его обращенiе къ подкупамъ и шпiонству.

Сцена 10. Царскiя палаты. „Эта большая сцена (слова Бѣлинскаго) представляетъ собою двѣ части. Въ первой Борисъ превосходно очерченъ, какъ примѣрный семьянинъ, нѣжный отецъ; онъ утѣшаетъ дочь, овдовѣвшую невѣсту, говоритъ съ сыномъ о сладкомъ плодѣ ученiя, о томъ, какъ помогаетъ наука державному труду. Все это такъ просто, такъ естественно, — и Борисъ является въ этой сценѣ во всемъ свѣтѣ своихъ лучшихъ качествъ. Во второй части сцены Борисъ узнаетъ отъ Шуйскаго о появленiи Самозванца. Странное волненiе, обнаруженное Борисомъ при этомъ извѣстiи, основано поэтомъ на виновной совѣсти Годунова"... Въ этой части сцены „много драматическаго движенiя, много страсти. Борисъ въ страшномъ волненiи, а Шуйскiй, не теряя присутствiя духа отъ мысли, что это волненiе можетъ ему стоить головы, ни на минуту не перестаетъ быть придворною лисою".

Сцена 11. Краковъ. Домъ Вишневецкаго. Изъ бесѣды съ Патеромъ Черниковскимъ узнаемъ, что Самозванецъ намѣренъ русскiй народъ обратить въ католичество. Далѣе представлены

толпы поляковъ и русскихъ, которые являются къ Самозванцу: они всѣ готовы идти за него, какъ за царскаго сына, и помочь ему достигнуть престола, насиліемъ захваченнаго Годуновымъ. Въ концѣ сцены Самозванецъ бесѣдуетъ съ поэтомъ, который подноситъ ему хвалебные латинскіе стихи.

Сцены 12, 13 и 14 происходятъ въ Самборѣ, въ замкѣ воеводы Мнишка. Въ этихъ сценахъ поэтъ обрисовываетъ характеръ Марины, въ которую влюбляется Самозванецъ. „Я, говоритъ Пушкинъ, „принужденъ былъ допустить это изъ желанія выказать странный характеръ Марины. Карамзинъ собственно только дотронулся до нея. Конечно, это была изъ хорошенькихъ женщинъ — самая странная. Въ жизнь свою она имѣла одну страсть—честолюбіе, но въ степени энергіи, бѣшенства, какую трудно и представить себѣ"... Гордая и самолюбивая Марина назначаетъ Дмитрію свиданіе, но не для того, чтобы слушать нѣжныя слова любви; ей все равно, любитъ онъ ее или нѣтъ: ея цѣль чрезъ замужество достигнуть Московскаго престола; это послѣднее ея желаніе и представлено въ 14-ой сценѣ „У фонтана".

Сцена 15. Литовская граница (1604 г. 16-го октября). Изъ этой сцены мы узнаемъ, что борьба между враждебными сторонами началась; „но пусть мой грѣхъ (слова Самозванца) падетъ не на меня, а на тебя, Борисъ цареубійца! Впередъ!" „Впередъ! (восклицаетъ Курбскій) и горе Годунову!" Войска переходятъ черезъ границу.

Сцена 16. Царская дума. Борисъ приказываетъ дьяку Щелкалову разослать во всѣ концы указы воеводамъ, чтобы готовились къ борьбѣ съ разстригой, бѣглымъ инокомъ и смирили безумца. Затѣмъ обращается къ Патріарху и проситъ его указать мѣры къ усмиренію волненій. Слѣдуетъ длинная рѣчь Патріарха, въ которой онъ говоритъ сначала о чудесномъ исцѣленіи слѣпого у могилы Дмитрія царевича въ Угличѣ, а потомъ предлагаетъ перенести его святыя мощи въ Архангельскій соборъ. Общее смущеніе. Борисъ пораженъ рѣчью Патріарха, но ловкій Шуйскій выводитъ его изъ замѣшательства.

Сцена 17. Равнина близъ Новгорода-Сѣверскаго (1604 г. 21 декабря). Бесѣда двухъ капитановъ Маржерета и Розена. Сраженіе. Русскіе бѣгутъ; Ляхи кричатъ: „побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію!" Самозванецъ приказываетъ трубить отбой.

Сцена 18. Площадь передъ соборомъ въ Москвѣ. Народъ ждетъ конца молебствія, когда долженъ выйти изъ церкви Борисъ. Въ толпѣ появляется юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами. Мальчишки смѣются надъ нимъ; одинъ изъ нихъ отнимаетъ у юродиваго копейку. Входитъ Борисъ Годуновъ; юродивый жалуется ему на мальчишекъ и проситъ зарѣзать ихъ такъ же, какъ онъ зарѣзалъ маленькаго царевича. Бояре приказываютъ схватить юродиваго, но Борисъ, чувствуя сознаніе своего преступленія, оставляетъ юродиваго и проситъ, чтобы онъ молился за него.

Сцена 19. Сѣвскъ. Самозванецъ, окруженный своими. Является Плѣнникъ. Отъ него Самозванецъ узнаетъ, что Борисъ, встревоженный потерею сраженія и раною Мстиславскаго, послалъ начальствовать Шуйскаго, что въ Москвѣ, благодаря Самозванцу, тюрьмы набиты биткомъ и царь самъ допрашиваетъ доносчиковъ. У Бориса, однако, войска очень много, что сильно опечаливаетъ сначала Самозванца, но твердо вѣруя въ свой успѣхъ, онъ назначаетъ новый бой.

Сцена 20. Лѣсъ. Самозваневъ и Пушкинъ. Самозванецъ жалѣетъ о своемъ павшемъ конѣ и забываетъ, что войско его разбито. Онъ остается ночевать въ лѣсу, подкладывая себѣ подъ голову сѣдло. Бояринъ Пушкинъ, видя все это, замѣчаетъ: „безпеченъ онъ, какъ глупое дитя: хранитъ его конечно Провидѣнье“.

Сцена 21. Москва. Царскія палаты. Борисъ. Басмановъ. Борисъ недоволенъ своими начальниками и, намѣреваясь сдѣлать Басманова воеводой, высказываетъ ему свое желаніе уничтожить мѣстничество. Басмановъ, по уходѣ Бориса, хвалитъ его державный умъ. Но въ это время поднимается тревога: съ Борисомъ сдѣлалось дурно, его умирающаго выносятъ на стулѣ; Борисъ изнемогаетъ подъ гнетомъ душевныхъ страданій. Передъ кончиною онъ даетъ наставленіе сыну Ѳеодору, какъ онъ долженъ править государствомъ, которое достается ему уже какъ законному наслѣднику.—Борисъ умираетъ, раскаявшись въ своемъ преступленіи.

Но трагедія не кончается смертью Бориса; въ послѣднихъ трехъ сценахъ представлено, какъ гибнетъ родъ Годунова. „Крикъ (слова Бѣлинскаго) мужика на амвонѣ лобнаго мѣста: „вязать Борисова щенка!“ ужасенъ; это голосъ всего народа, или, лучше

сказать, голосъ судьбы, обрекшей на гибель родъ несчастнаго честолюбца... Превосходно окончаніе трагедіи. Когда Мосальскій объявляетъ народу о смерти дѣтей Годунова,— „народъ въ ужасѣ молчитъ“... Отчего же онъ молчитъ? Развѣ не самъ онъ хотѣлъ гибели Годуновскаго рода, развѣ не самъ онъ кричалъ: „вязать Борисова щенка“... Мосальскій продолжаетъ: „Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ! „Народъ безмолвствуетъ“. Это—послѣднее слово трагедіи, заключающее въ себѣ глубокую черту, достойную Шекспира... Въ этомъ безмолвіи народа слышенъ страшный, трагическій голосъ новой Немезиды, изрекающей судъ свой надъ новою жертвою — надъ тѣмъ, кто погубилъ родъ Годуновыхъ...“

Таковъ вкратцѣ ходъ дѣйствія въ пьесѣ Пушкина. По замѣчанію Кирѣевскаго, „всѣ сцены поставлены для выраженія той основной идеи, что злодѣяніе, подобное Борисову, сопровождается личными, семейственными и государственными несчастіями... Если убіеніе Димитрія составляетъ главный узелъ созданія Пушкина, то несправедливо думать, что въ немъ нѣтъ единства: твореніе его, съ этой точки зрѣнія разсматриваемое, удивительно гармоніею своихъ частей и интересомъ каждой части“. Но надо прибавить къ этому, что драматизмъ пьесы Пушкина заключается не только въ одной указанной выше идеѣ, но и въ характерѣ Бориса, въ его борьбѣ съ тѣмъ чувствомъ угрызенія совѣсти, которое имъ овладѣваетъ всецѣло и доводитъ до трагической смерти.

Въ своихъ замѣткахъ о трагедіи „Борисъ Годуновъ“ Пушкинъ самъ указываетъ, какими источниками пользовался онъ при ея созданіи. „Изученіе Шекспира (говоритъ онъ), Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени“. Пушкинъ, какъ извѣстно, серьезно изучалъ Шекспира и глубоко понималъ произведенія его, что и видно изъ замѣтокъ нашего поэта объ этомъ писателѣ. Сравнивая Шекспира съ Мольеромъ, Пушкинъ справедливо замѣчаетъ, что лица, созданныя англійскимъ драматургомъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то по-

рока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ: у Мольера скупой—скупъ—и только, у Шекспира Шейлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. Опредѣливъ такъ манеру и пріемы Шекспира въ изображеніи характеровъ, Пушкинъ старался подражать ему и въ своей трагедіи, что яснѣе всего видно на характерахъ Бориса Годунова и Самозванца. Борисъ, изображенный Пушкинымъ, является человѣкомъ съ многими добрыми качествами. Какъ правитель, онъ обнаруживаетъ высокій умъ: назначаетъ воеводой Басманова, человѣка незнатнаго рода, обѣщая уничтожить гибельный обычай мѣстничества и тѣмъ возвысить личныя достоинства каждаго, его умъ, а не происхожденіе. Борисъ попечительный и заботливый отецъ семейства: онъ бесѣдуетъ съ сыномъ о его учебныхъ занятіяхъ, искренно сострадаетъ горю Ксеніи, оплакивающей своего жениха. Но вотъ Борисомъ овладѣваетъ страсть властолюбія, эта страсть заглушаетъ въ немъ добрыя основы его природныхъ душевныхъ наклонностей. Достигнувъ трона путемъ преступленія, Борисъ начинаетъ сознавать свой тяжкій грѣхъ: имъ овладѣваетъ чувство страха и угрызенія совѣсти. Онъ дѣлается суевѣрнымъ, обращается къ колдуну и ворожеямъ, гадаетъ, какъ „красная невѣста"; его оставляетъ и довѣріе къ людямъ, и потому онъ дѣлается подозрительнымъ и жестокимъ, преслѣдуетъ бояръ, подвергая ихъ опалѣ или осуждая на позорную смерть. Къ народу, которому прежде оказывалъ благодѣянія, Борисъ теперь относится съ злобой и говоритъ про него: „твори добро, не скажетъ онъ спасибо; грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже". Душевная тоска всецѣло овладѣваетъ Борисомъ и подъ вліяніемъ ея онъ теряется: выдаетъ себя Шуйскому, когда тотъ разсказываетъ о появленіи самозванца, принявшаго на себя имя убитаго Димитрія царевича; во время разсказа патріарха о чудесномъ исцѣленіи передъ гробомъ царевича, краснѣетъ, блѣднѣетъ и наконецъ неожиданно прерываетъ совѣщаніе Думы. „Внутреннія муки (слова А. И. Незеленова) раздвоенія и упрековъ совѣсти и доводятъ наконецъ царя до смерти: тѣло не выдерживаетъ душевныхъ страданій. Но онъ много вынесъ за свое преступленіе,—и есть что-то примирительное и умиленное въ предсмертной сценѣ, когда готовый черезъ нѣсколько мгновеній предстать на судъ Божій, въ послѣдній разъ бесѣдуетъ онъ съ сыномъ и даетъ ему послѣднія наставленія. Теплой любовью къ Ѳеодору и

твердой искренней вѣрой дышатъ слова: „Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность, онъ слабости даруетъ силу“.... Разумны его наставленія сыну — какъ править царствомъ; чѣмъ то добрымъ отзывается его совѣтъ будущему царю—отмѣнить опалы и казни... Грѣшная и измученная душа Бориса свершила свое земное поприще, идетъ на Божій судъ, и поэтъ кончаетъ жизнь героя своей трагедіи сценой, которая не оставляетъ въ душѣ нашей ничего томящаго и злобнаго; поэтъ не взялъ на себя произнесеніе приговора надъ Борисомъ: объективный художникъ и теплый сердцемъ человѣкъ, онъ безпристрастно и гуманно относится къ своему герою“. Такъ обрисованъ въ трагедіи Пушкина характеръ главнаго героя; изъ этой обрисовки ясно видно, что нашъ драматургъ вполнѣ усвоилъ себѣ пріемы Шекспира. То же замѣчаемъ мы и въ изображеніи характера Самозванца. Дмитрій Самозванецъ въ старинныхъ трагедіяхъ изображается обыкновенно чудовищнымъ тираномъ: такъ у Сумарокова онъ думаетъ и говоритъ только о злодѣйствахъ; онъ злобствуетъ на самого себя и, умирая, восклицаетъ: „ ахъ, если бы со мною погибла вся вселенная!“ Ничего подобнаго не видимъ мы у Пушкина: въ его трагедіи Самозванецъ живое лицо, а не олицетвореніе одной страсти, доведенной до неестественнаго ея выраженія. Во время пребыванія въ Чудовомъ монастырѣ Григорій обнаруживаетъ влеченіе къ молодецкой разгульной жизни: онъ тяготится однообразной монастырской обстановкой и завидуетъ старцу Пимену, который весело и бурно провелъ свою молодость. Легкомысленный, что видно, напримѣръ, изъ его обѣщанія польскому патеру распространить католицизмъ въ Россіи, онъ, тѣмъ не менѣе, при случаѣ умѣетъ выказать сознаніе своего достоинства. Къ Маринѣ, гордой и честолюбивой полячкѣ, Григорій пылаетъ искреннею и чистою любовью: увлеченный, онъ даже признается въ своемъ самозванствѣ. Но когда Марина упрекаетъ его въ вѣтренности, смѣется надъ его малодушіемъ, онъ входитъ тогда въ настоящую роль и, обезоруживая Марину своею гордостью, восторженно и съ полнымъ сознаніемъ достоинства говоритъ:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я! Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться...

Увѣренный въ успѣхѣ своего дѣла, Самозванецъ безпеченъ и во время военныхъ дѣйствій: послѣ одного проиграннаго сраженія, въ которомъ палъ его конь, онъ болѣе заботится о немъ, чѣмъ о себѣ, и засыпаетъ въ лѣсу самымъ безмятежнымъ сномъ. Григорій отлично понимаетъ свое положеніе среди поляковъ; онъ знаетъ, что ни король, ни папа, ни вельможи не вѣрятъ правдѣ его словъ, что онъ имъ нуженъ только, какъ предлогъ раздоровъ и войны; вотъ почему онъ не боится угрозъ Марины, когда та выразила намѣреніе обнаружить его дерзостный обманъ. При всемъ томъ Самозванецъ любитъ свою родину: въ бесѣдѣ съ Курбскимъ на Литовской границѣ онъ жалѣетъ русскихъ, которые должны проливать кровь; послѣ побѣды подъ Новгородъ-Сѣверскимъ, онъ говоритъ: „мы побѣдили. Довольно! Щадите русскую кровь! Отбой!“ Такимъ образомъ и въ характерѣ Самозванца Пушкинъ, слѣдуя пріемамъ Шекспира, соединилъ разнообразныя душевныя качества, и если поэтъ изобразилъ намъ Самозванца не совсѣмъ согласно съ исторіею (въ дѣйствительности онъ не признавался Маринѣ въ своемъ самозванствѣ), то за то въ этомъ изображеніи нѣтъ нарушенія правды художественной. Съ тою же художественною правдою изображены въ трагедіи Пушкина и второстепенныя лица: старецъ Пименъ, гордая и честолюбивая Марина, лукавый царедворецъ бояринъ Шуйскій, Ксенія и ея мамка, и др.

Въ одномъ изъ писемъ по поводу своей трагедіи Пушкинъ говоритъ слѣд.: „я пишу и вмѣстѣ думаю. Большинство сценъ требовало только обсужденія; когда доходилъ я до сцены, требовавшей вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее. Этотъ способъ работы совершенно новъ для меня“. Сцены, писанныя по вдохновенію, и есть именно тѣ, которыя создались подъ вліяніемъ Шекспира и въ которыхъ сосредоточиваются главнѣйшіе моменты дѣйствія; таковы всѣ монологи Бориса, сцена его съ Шуйскимъ при вѣсти о появленіи самозванца, сцена съ патріархомъ, когда этотъ послѣдній совѣтуетъ перевезти тѣло царевича въ Москву, сонъ Григорія — вообще тѣ мѣста трагедіи, которыя послужили поэту для „вольнаго и широкаго изображенія характеровъ“. Въ этихъ сценахъ Пушкинъ и отступалъ отъ исторіи; такъ онъ допускаетъ въ трагедіи любовную интригу: Димитрій влюбляется у него въ Марину. Отсюда является созданная вдохновеніемъ поэта и замѣчательная въ художествен-

номъ отношеніи „Сцена у фонтана“, которая была необходима съ одной стороны для характеристики Марины, съ другой—для разъясненія нѣкоторыхъ чертъ характера Самозванца, его рѣшительности, увѣренности въ успѣхѣ своего дѣла, наконецъ его самолюбія. Даже незначительныя повидимому сцены—и тѣ имѣютъ важное значеніе въ пьесѣ, будучи необходимы или для развитія дѣйствія, или для объясненія эпохи и характеровъ; такова, напр., сцена „Корчма на литовской границѣ“: въ ней мастерски представлено современное Самозванцу монашество, гдѣ рядомъ съ высоконравственными личностями, въ родѣ старца Пимена, были и „злые чернецы“, бродяги, подобные Мисаилу и Варлааму; съ другой стороны, противополагая безшабашно удалыхъ бродягъ мрачному Григорію, Пушкинъ такимъ образомъ яснѣе оттѣняетъ душевное настроеніе послѣдняго, его внутреннюю борьбу. Такого же рода отступленія отъ исторіи мы находимъ и у Шекспира, въ его историческихъ хроникахъ. Пушкинъ, при созданіи характера Бориса, не только руководствовался пріемами Шекспира, но и бралъ за образецъ опредѣленные типы его произведеній, при чемъ, однако, являлся въ этомъ случаѣ самостоятельнымъ творцомъ, а не простымъ подражателемъ. „По общимъ, основнымъ чертамъ своего характера (слова А. И. Незеленова) Борисъ Пушкина таковъ же, какъ Макбетъ... Совершивъ преступленіе, Борисъ уединяется, чуждается людей; онъ занятъ своими мрачными думами и сокрушается о невозможности душевнаго покоя; то же происходитъ и съ Макбетомъ. И Борисъ, и Макбетъ, оба окружаютъ себя шпіонами, совѣтуются съ колдунами и ворожеями. Умирая, Борисъ заботится о передачѣ престола сыну. Макбетъ также сокрушается, что его престолъ станетъ достояніемъ чужихъ дѣтей—потомковъ Банко.... Таковы черты сходства между Борисомъ Пушкина и Макбетомъ Шекспира. Но между героями двухъ поэтовъ есть и различіе. Прежде всего большая разница въ положеніяхъ Бориса и Макбета. Подлѣ героя Шекспира стоитъ адскій духъ въ образѣ его жены. Борисъ не подчиняется ни чьему вліянію, онъ самосостоятеленъ, и потому тверже характеромъ, чѣмъ Макбетъ. Затѣмъ, Борисъ—отецъ нѣжно любящій дѣтей, и должно быть поэтому, между прочимъ, онъ добрѣе и мягче сердцемъ; такъ умирая, онъ завѣщаетъ сыну отмѣнить казни... Въ душѣ Макбета нѣтъ совсѣмъ гармоніи, нѣтъ согласія душевныхъ силъ, и потому нѣтъ спокой-

ствія. Отдѣльныя стихіи его души, вырвавшись на свободу, обособляются и доходятъ до крайнихъ предѣловъ своего развитія. Такъ, воображенію Макбета, напуганному упреками совѣсти, представляются на яву видѣнія: идя убить Дункана, онъ видитъ въ воздухѣ кинжалъ; по убіеніи Банко, ему является тѣнь убитаго, занимая его мѣсто за пиршественнымъ столомъ... Борису также является призракъ убитаго Димитрія, но это во снѣ, а не на-яву. Увлеченіе страхомъ враговъ и желаніе избавиться отъ нихъ развилось у Макбета тоже до крайности: мы видимъ въ немъ до цинизма доходящую жажду убійства... Страхъ, сомнѣнія, муки совѣсти доводятъ Макбета до отчаянія, онъ выходитъ изъ себя и, теряя подъ собою всякую почву, срывается со всѣхъ основъ нравственнаго существованія... Какая разница съ пушкинскимъ Борисомъ! И изображаетъ нашъ поэтъ главнымъ образомъ мирныя стороны духа Бориса; страсть же, нарушающая ихъ покой, стоитъ у него на второмъ планѣ. У Шекспира наоборотъ: все его вниманіе сосредоточено на развитіи страсти Макбета, начиная съ самаго ея зарожденія, олицетворённаго въ образахъ вѣдьмъ". Изъ этого сравненія ясно видно, какъ относился Пушкинъ къ своему руководителю Шекспиру; и хотя онъ самъ говоритъ, что подражалъ послѣднему, но собственно это нельзя назвать подражаніемъ: онъ скорѣе научился изображать характеры у Шекспира, а въ самыхъ характерахъ нѣтъ ничего подражательнаго.

Другимъ источникомъ при созданіи трагедіи Пушкина была „Исторія" Карамзина, именно X и XI томы ея, гдѣ изображено царствованіе Ѳеодора, Бориса Годунова и Лжедимитрія, т. е. почти вся исторія смутнаго времени. Почему же Пушкинъ остановился на эпохѣ Бориса Годунова? Прежде всего его поразила трагическая судьба Бориса, какъ человѣка, который, возвысившись надъ толпою своими талантами и умомъ, задумалъ внести новый идеалъ въ жизнь, идеалъ властителя благодѣтеля народа, но принужденъ былъ купить себѣ право на осуществленіе своего идеала цѣною кроваваго преступленія. Личность Гришки Отрепьева также привлекла вниманіе поэта: онъ казался ему представителемъ той бродячей силы, тѣхъ, по словамъ Достоевскаго, скитальцевъ, которые были на Руси еще задолго до начала реформы Петра Великаго „Григорій Отрепьевъ (слова В. Я. Стоюнина) тѣмъ въ особенности и интересенъ, что является

представителемъ вѣковой бродячей силы въ русской землѣ. Изъ роду боярскихъ дѣтей, возвысившись надъ толпой грамотностью, увлекаемый безпокойнымъ духомъ, онъ скитается то по монастырямъ, то среди казаковъ, какъ будто чего-то ищетъ, носитъ какую то неясную идею, наконецъ перебирается за рубежъ, въ Польшу, и тамъ дѣлается орудіемъ іезуитовъ, прикрытый именемъ русскаго царевича. Обстоятельства помогаютъ ему, и вотъ бродяга быстро является на русскомъ престолѣ, какъ какой-нибудь сказочный удалецъ. Пушкинъ хорошо понялъ, что это былъ не простой плутъ—пройдоха, не обыкновенный искатель приключеній, а та типическая натура, не находящая себѣ покоя въ своемъ состояніи, ищущая себѣ исхода въ бродячей жизни, отданной на произволъ случайностей". Вмѣстѣ съ тѣмъ фантазію Пушкина занимала также и судьба его предковъ, изъ которыхъ одинъ, Гаврило Пушкинъ, и выведенъ имъ въ трагедіи. Многія мѣста трагедіи Пушкина не только сходны съ „Исторіею" Карамзина, какъ, напримѣръ, всѣ сцены избранія Бориса на царство, но представляютъ иногда простой пересказъ словъ историка; таковы слова Воротынскаго о томъ, что Борисъ, покинувъ все мірское, затворился въ монастырѣ, гдѣ жила его сестра Ирина, а равно и слова „въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица", съ которыми Борисъ обращается къ своей дочери и т. д. Пушкинъ, согласно Карамзину, представляетъ Бориса Годунова убійцей царевича Димитрія. Но нельзя, однако, сказать, что Борисъ Пушкина совершенно сходенъ съ Борисомъ Карамзина. „Годуновъ Пушкина (слова А. И. Незеленова) это спокойный, простодушный, ровный по характеру и дѣйствіямъ человѣкъ. У Карамзина онъ личность съ рѣзкими противоположностями въ нравѣ, съ рѣзкими переходами въ образѣ дѣйствій, не такимъ кажущійся, каковъ на самомъ дѣлѣ! Напр. услышавъ, что самозванецъ принялъ на себя имя Дмитрія, онъ устрашился, но „чѣмъ болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ". Борисъ Пушкина—не сильный характеръ, сразу сломившійся, а человѣкъ, постепенно изнемогающій духомъ, для котораго послѣдній ударъ—извѣстіе о самозванцѣ—былъ лишь послѣднею каплею, переполнившею чашу. У Карамзина, напротивъ, „онъ усильно противоборствовалъ бѣдственнымъ случаямъ твердостью духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной". И отно-

шенія Пушкина къ своему герою совсѣмъ иныя, чѣмъ отношенія къ Годунову автора „Исторіи". Пушкинъ совершенно объективенъ и безпристрастенъ въ своей драмѣ, какъ Шекспиръ. Карамзинъ негодуетъ на Бориса и упрекаетъ его. Если въ чемъ Пушкинъ слѣдовалъ Карамзину, такъ это въ содержаніи своей драмы, въ „развитіи ея происшествій" (какъ онъ самъ указалъ)".

Кромѣ Шекспира и Карамзина, Пушкинъ пользовался еще и древне-русскими лѣтописями: по нимъ поэтъ не только изучилъ образъ мыслей и языкъ времени, но и создалъ замѣчательный типъ монаха-лѣтописца. Пушкинъ самъ объяснилъ намъ характеръ Пимена. „Характеръ Пимена (говоритъ онъ въ одномъ письмѣ) не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись князя Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ". Насколько удаченъ образъ Пимена, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, воспоминанія извѣстнаго русскаго историка Погодина. Погодинъ услышалъ „Бориса Годунова" впервые изъ устъ самого автора, и сцена съ Пименомъ его „ошеломила". „Мнѣ показалось (пишетъ Погодинъ), что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописца". И дѣйствительно, характеръ Пимена обрисованъ мастерски, какъ въ началѣ сцены, гдѣ Пименъ дѣлаетъ характеристику лѣтописи, указывая на ея цѣль и содержаніе, такъ особенно въ томъ мѣстѣ сцены, гдѣ отшельникъ лѣтописецъ говоритъ о суетѣ свѣта, о преимуществахъ затворнической жизни, рисуя картину Іоанна Грознаго, искавшаго успокоенія „въ подобіи монашескихъ трудовъ", и разсказывая Григорію о Ѳеодорѣ и о его смерти.

Трагедія „Борисъ Годуновъ" имѣетъ огромное значеніе въ исторіи русской драмы. Сліяніе поэзіи съ дѣйствительностью, съ правдою жизни, составляющее отличительное свойство музы Пушкина, отразилось и на его исторической пьесѣ. Русская драма только со времени Пушкина представила то, что мы называемъ

характеромъ: онъ первый изобразилъ живыя лица, чего не было въ произведеніяхъ псевдоклассиковъ, первый сталъ излагать драму языкомъ, соотвѣтствовавшимъ и духу времени, изъ котораго взятъ сюжетъ пьесы, и положенію дѣйствующихъ лицъ. Въ старой трагедіи всѣ дѣйствующія лица говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, т. е. языкомъ автора; у Пушкина не такъ: старецъ Пименъ говоритъ у него иначе, чѣмъ, напр., Григорій; рѣчи Марины полны восторженности и страстности, слова же Ксеніи и ея мамки дышатъ простотою и задушевностью. Стремленіе къ правдѣ внушило поэту мысль внести въ трагедію, по примѣру Шекспира, и элементъ комическій (сцена въ корчмѣ), чего рѣшительно не допускала ложноклассическая теорія и что совершенно согласно съ дѣйствительностью, а стало быть и съ задачею поэзіи, какъ отраженія жизни. Трагедія Пушкина возсоздаетъ живыми красками одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ нашей исторической жизни и съ такимъ изумительнымъ искусствомъ, что картины эпохи со всѣми ея подробностями навсегда сохраняются въ воображеніи читателя. „Съ внѣшней стороны (слова А. И. Незеленова) драма безукоризненно прекрасна. Въ ней нѣтъ быстраго и страстнаго развитія дѣйствія; но спокойный, медленный ходъ ея событій совершенно соотвѣтствуетъ духу изображаемой ею древней русской жизни. Соотвѣтствуетъ этому духу и превосходный языкъ ея, простой, безукоризненный и изящный, на которомъ такъ видно вліяніе лѣтописей и грамотъ“. Пьеса Пушкина написана бѣлыми стихами, за весьма немногими исключеніями; составъ стиха пятистопный ямбъ, употреблявшійся обыкновенно въ англійскихъ и нѣмецкихъ трагедіяхъ.

Кромѣ „Бориса Годунова“, Пушкинъ написалъ нѣсколько мелкихъ драматическихъ пьесъ, изъ которыхъ „Скупой рыцарь“ и „Русалка“ особенно замѣчательны, какъ по развитію характеровъ, такъ и по необыкновенному искусству воспроизведенія картинъ и образовъ стародавней жизни.

„Скупой рыцарь“ состоитъ изъ трехъ сценъ, дѣйствіе которыхъ сосредоточивается на борьбѣ двухъ противоположныхъ характеровъ: скряги отца и его сына, молодого рыцаря, полнаго стремленій къ веселой жизни, но не имѣющаго на это средствъ. Въ первой сценѣ поэтъ изображаетъ тягостное положеніе Аль-

бера: онъ хочетъ блистать на турнирахъ, на балахъ во дворцѣ герцога, но не имѣетъ денегъ, а отъ скряги-отца ничего добыть не можетъ. Альберъ принужденъ обратиться къ займу у жида Соломона; но Соломонъ, явившійся къ рыцарю, отказываетъ въ займѣ. Когда Альберъ начинаетъ увѣрять Соломона, что заплатитъ ему старый долгъ послѣ смерти богатаго отца, то жидъ замѣчаетъ, что старикъ еще крѣпокъ и можетъ еще долго прожить. Альберъ опечаленъ такимъ извѣстіемъ: онъ давно уже разсчитывалъ на скорую смерть отца, на богатое наслѣдство. Замѣтивъ тайныя желанія молодого рыцаря, Соломонъ намекаетъ ему на то, что можно отравить отца и такимъ образомъ ускорить его смерть. Альберъ возмущенъ предложеніемъ жида: при всемъ ожесточеніи противъ отца, онъ, какъ юноша добрый по природѣ, никогда не задавался такими цѣлями; и вотъ онъ подъ вліяніемъ чувства негодованія разражается бранью на жида и прогоняетъ его вонъ. Альберъ въ волненіи; чтобы успокоить себя, онъ требуетъ у слуги подать ему вина, но оказывается, что въ домѣ нѣтъ и вина. „Проклятое житье" окончательно приводитъ Альбера въ отчаяніе, и онъ рѣшается идти къ герцогу съ жалобой на отца. Вторая сцена вся состоитъ изъ монолога стараго барона, и драматизмъ ея не въ столкновеніи лицъ, а въ той борьбѣ внутренней, которая происходитъ въ душѣ скупого рыцаря, въ борьбѣ противоположныхъ чувствъ и мыслей. Скряга—старикъ приходитъ въ подвалъ, чтобы всыпать горсть золота въ шестой еще неполный сундукъ. Золото его кумиръ, онъ исполненъ къ нему поэтическаго чувства, и служитъ ему съ какимъ-то святымъ благоговѣніемъ. Баронъ думаетъ, что, владѣя золотомъ, онъ можетъ подчинить себѣ все, что власть его сильна. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ его возникаютъ и другіе вопросы: „какъ добыто богатство? какихъ слезъ и преступленій оно стоило?" Наслаждаясь, вдали отъ людей, блескомъ своихъ сокровищъ, баронъ, однако, „не можетъ (слова В. Я. Стоюнина) примириться съ мыслью, что рано или поздно, а придется разстаться съ этимъ сокровищемъ, что оно перейдетъ въ руки сына, который не выстрадалъ его, подобно какъ выстрадалъ его отецъ, и слѣдовательно совсѣмъ иначе посмотритъ на него, и, можетъ быть, легкомысленно расточитъ то, что составляетъ силу, славу и честь ослѣпленнаго старика. Его разгоряченное воображеніе уже рисуетъ ему ужасную для него картину, какъ его сынъ, укравъ у отцов-

скаго трупа ключи, съ толпой ласкателей и жадныхъ придворныхъ сойдетъ подъ мирные своды и со смѣхомъ отопретъ сундуки. Эта картина омрачаетъ тотъ восторгъ, какимъ старый баронъ наслаждался при видѣ блещущихъ грудъ золота; онъ переходитъ къ плачу, къ оправданію своей страсти, наконецъ къ желанію скрыть подвалъ отъ недостойныхъ взоровъ, приходить изъ могилы и сидя на сундукахъ сторожевою тѣнью, хранить свои сокровища отъ живыхъ людей". Третья сцена происходитъ во дворцѣ герцога и служитъ какъ бы развязкою враждебныхъ отношеній между отцомъ и сыномъ. Герцогъ, вызвавъ къ себѣ стараго барона, старается усовѣстить его, уговариваетъ его присылать сына ко двору, дать ему приличное содержаніе. Баронъ видимо недоволенъ; онъ придумываетъ разныя отговорки, хмурится, мѣшается въ своихъ рѣчахъ, но, видя, что правитель разрушаетъ всѣ его доводы, скупецъ, ради своей защиты, прибѣгаетъ къ клеветѣ, обвиняя сына въ преступленіи противъ отца. Альберъ, находясь въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ все это; взбѣшенный, онъ вбѣгаетъ и уличаетъ отца во лжи. Вѣрный рыцарскимъ обычаямъ старый баронъ вступается за оскорбленную честь и для возстановленія ея бросаетъ сыну перчатку. Альберъ принимаетъ вызовъ, но герцогъ его останавливаетъ. Старикъ не въ силахъ вынести прилива овладѣвшихъ его душою чувствъ гнѣва, стыда; онъ умираетъ, восклицая: „гдѣ ключи? ключи мои?" Истинность и необыкновенная жизненность характеровъ составляютъ важное достоинство пьесы Пушкина: въ баронѣ поэтъ изображаетъ не одно олицетвореніе идеи скупости, какъ, напр., въ пьесѣ Мольера „Скупой," но живого человѣка, въ которомъ порокъ, свойственный людямъ, проявляется въ индивидуальной формѣ, въ полномъ согласіи съ временемъ, въ какое происходитъ дѣйствіе, съ положеніемъ лица, наконецъ съ требованіями психологическихъ законовъ развитія страсти. Достоинство пьесы видно и въ самомъ ходѣ сценъ, въ ихъ подробностяхъ: рѣчи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ согласны съ ихъ положеніемъ, въ нихъ нѣтъ ничего лишняго; драматическое движеніе, отличаясь простотою, исполнено живыхъ переходовъ отъ одного чувства къ другому, а самая обстановка дѣйствія сохраняетъ вполнѣ черты средневѣковой жизни, изъ которой взятъ сюжетъ пьесы.

Первую мысль „Русалки" мы находимъ въ одной изъ „Пѣсенъ Западныхъ Славянъ," переведенныхъ Пушкинымъ, а именно въ

чешскомъ сказаніи „Янышъ Королевичъ". Въ послѣднемъ разсказывается, какъ королевичъ Янышъ, бросивъ свою подругу красавицу Елицу, женится на чешской королевнѣ; Елица кидается на дно рѣки Моравы, дѣлается тамъ водяной царицей и рождаетъ дочь Водяницу. По прошествіи трехъ или болѣе лѣтъ, когда королевичъ охотился по берегу рѣки, маленькая Водяница выплыла изъ воды и разсказала королевичу о судьбѣ своей матери; королевичъ встрѣчается на берегу съ Елицей, высказываетъ ей, что готовъ любить ее попрежнему, что жена ему не нравится, но Елица отвергаетъ любовь королевича и скрывается въ Моравѣ. Таковъ же точно сюжетъ и драматическихъ сценъ „Русалка", съ тою разницею, что дѣйствіе происходитъ на берегу Днѣпра, при чемъ главный мотивъ пьесы развитъ болѣе подробно, а дѣйствующія лица обрисованы художественно, согласно съ ихъ положеніемъ и основными чертами характера. Дѣйствіе „Русалки" мѣстами отличается фантастическимъ элементомъ: такъ пятая сцена происходитъ на днѣ рѣки Днѣпра, въ теремѣ русалокъ, которыя прядутъ, сидя около своей царицы. Но рядомъ съ фантастическимъ содержаніемъ, поэтъ съумѣлъ изобразить нѣсколько драматическихъ моментовъ, какъ, напримѣръ, моментъ прощанія дочери Мельника съ княземъ, когда послѣдній надѣваетъ на нее, полуживую отъ горя, ожерелье и повязку, и передаетъ ей для отца мѣшокъ съ деньгами. Замѣчательна также вторая сцена пьесы, въ которой представленъ свадебный пиръ въ княжескомъ теремѣ; поэтъ съ свойственнымъ ему глубокимъ пониманіемъ русской народности изображаетъ рядъ старинныхъ русскихъ обычаевъ: пѣніе хора дѣвушекъ, кормленіе молодыхъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаніе ихъ хмелемъ, шутливыя рѣчи свата, и т. п. Хотя „Русалка" осталась неоконченною, тѣмъ не менѣе она (слова Бѣлинскаго) „въ особенности обнаруживаетъ необыкновенную зрѣлость таланта Пушкина: великій талантъ только въ эпоху полнаго своего развитія можетъ въ фантастической сказкѣ выказать столько обще-человѣческаго, дѣйствительнаго, реальнаго, что, читая ее, думаешь читать совсѣмъ не сказку, а высокую трагедію".

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнныхъ пьесъ Пушкина видно, что онъ обладалъ огромнымъ дарованіемъ и какъ драматургъ. Въ немъ все было, что нужно для драматическаго писателя: умѣнье схватить основныя черты того или другого характера,

развить этотъ характеръ согласно съ психологическими законами, сдѣлать его живымъ, способность воспроизведенія разнообразныхъ сферъ жизни, наконецъ глубокое знаніе языка и всѣхъ его неуловимыхъ оттѣнковъ и оборотовъ.

III. Значеніе Пушкина въ русской литературѣ.

Въ заключеніе разбора главнѣйшихъ произведеній Пушкина опредѣлимъ, какое значеніе имѣетъ его поэзія въ исторіи русской литературы.

Значеніе поэзіи Пушкина заключается прежде всего въ ея самобытности. До него русская литература, за весьма немногими исключеніями, была въ сущности подражательная: принимая формы отъ европейской, она вмѣстѣ съ тѣмъ принимала и тѣ направленія, которыя въ нашей жизни не имѣли корней и представляли собою не что иное, какъ пересаженное растеніе. Пушкинъ былъ первый самобытный русскій поэтъ: его поэтическая фантазія отзывалась на всѣ впечатлѣнія жизни въ совершенно оригинальныхъ формахъ творчества; даже и въ тѣхъ произведеніяхъ, на которыхъ замѣтно вліяніе такихъ великановъ поэзіи, какъ Байронъ и Шекспиръ, онъ сохранилъ вполнѣ свою самостоятельность. Далѣе, Пушкинъ былъ основателемъ русской художественной школы. Справедливо мнѣніе Бѣлинскаго, что гдѣ поэзія явилась не какъ плодъ національной жизни, а какъ плодъ цивилизаціи, тамъ нужно было прежде всего выработать форму. Эта задача была выполнена Пушкинымъ самымъ блистательнымъ образомъ. Обладая огромнымъ запасомъ творческихъ силъ, уже въ самомъ началѣ своего поприща отрѣшившись отъ вліянія съ одной стороны ложноклассицизма съ его условными піитическими правилами, съ другой —отъ заоблачнаго нѣмецкаго романтизма, Пушкинъ возвелъ поэзію на высшую степень художественности, которая выразилась въ гармоничномъ сліяніи идеи съ образомъ, въ живомъ воспроизведеніи явленій и характеровъ, въ необыкновенно простомъ и вмѣстѣ образцово-изящномъ описаніи картинъ природы, наконецъ въ богатствѣ, силѣ и красотѣ языка. Благодаря высоко-художественной формѣ, въ которую облекалъ Пушкинъ свои мысли, его произведенія могущественно дѣйствовали на русское общество: увеличивъ

число людей, интересующихся литературой, они возвели послѣднюю на степень національнаго дѣла, между тѣмъ какъ прежде она была достояніемъ только весьма ограниченнаго круга любителей. Какъ великій художникъ, Пушкинъ обладалъ необыкновенною способностью переноситься въ чуждыя ему сферы, возсоздавать характеры и образы чужой жизни, отождествляться съ изображаемымъ имъ предметомъ; сила и глубина его творчества всегда одинакова, изображаетъ ли онъ русскаго человѣка, или человѣка какой-нибудь другой національности, рисуетъ ли характеры и событія современной ему жизни, или переносится воображеніемъ въ отдаленные вѣка прошедшаго. Такая отличительная черта поэзіи Пушкина есть, по мнѣнію Ап. Григорьева, въ высшемъ значеніи объективность, „какъ свойство натуры поэтически отзывчивой, отражающееся въ отзывѣ, передающемъ полученное впечатлѣніе для всѣхъ ясно, осязательно и вмѣстѣ съ неуловимою тонкостью“. Но, отождествляясь съ изображаемыми явленіями, геній Пушкина въ то же время прозрѣваетъ въ ихъ сущность, создаетъ типы, какъ общіе образы, руководясь при этомъ сознаніемъ своего идеала. „Пушкинъ (слова А. И. Незеленова) былъ художникъ по преимуществу, поэтъ красоты и гармоніи. Вотъ почему онъ и не могъ вдаться въ какую-нибудь односторонность, съузить свое міросозерцаніе. Понявъ ложную сторону страстныхъ и гордыхъ идеаловъ, нѣкогда увлекавшихъ его, понявъ, съ другой стороны, красоту души русскаго человѣка и его простой обстановки, поэтъ одинаково безпристрастно и вмѣстѣ съ тѣмъ любовно, одинаково объективно отнесся къ обѣимъ, открытымъ для него теперь сферамъ жизни. Это всего ярче выражается въ его отношеніяхъ къ двумъ основнымъ, такъ сказать, стихійнымъ типамъ его поэзіи—Онѣгину и Бѣлкину“.

Въ стихотвореніи „Памятникъ“ Пушкинъ, между прочимъ, такъ опредѣляетъ заслуги своей поэтической дѣятельности:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Этими словами Пушкинъ указываетъ какъ на внутреннюю, такъ и на внѣшнюю сторону своей поэзіи. Его поэзія проникнута высшею степенью гуманности; онъ самъ говорилъ: „гдѣ нѣтъ

любви, тамъ нѣтъ и истины“. Такому взгляду мы находимъ подтвержденіе во многихъ примѣрахъ изъ поэтическихъ созданій Пушкина. Въ жизни Петра Великаго онъ придалъ особенное значеніе тому моменту, когда всесильный царь „съ подданнымъ мирится, виноватому вину отпуская веселится“; изъ героевъ 12-го года его привлекаетъ образъ Барклая-де-Толли (ода „Полководецъ“), въ которомъ вмѣстѣ съ доблестью воина сливалось глубокое чувство самоотверженія, побудившаго его для блага народа пожертвовать собою, уступить другимъ „и власть, и замыселъ, обдуманный глубоко, и въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко“. Раскрытіе красоты человѣческой души является главною задачею творчества Пушкина. „Какъ бы низко человѣкъ ни упалъ (слова А. И. Незеленова), но въ душѣ его почти всегда сохраняется хоть что-нибудь свѣтлое, хоть тѣнь добра. И вотъ Пушкинъ показываетъ намъ эти слѣды нравственной красоты въ падшихъ людяхъ и пробуждаетъ въ нашей душѣ доброе чувство состраданія и скорби. Въ свирѣпой душѣ Пугачева онъ съумѣлъ подмѣтить человѣческое чувство благодарности, гуманный порывъ великодушія, негодованія, что смѣютъ обижать сироту. Скупой баронъ, герой драмы „Скупой рыцарь“, кажется, утратилъ все человѣческое, даже любовь и уваженіе къ самому себѣ, а между тѣмъ поэтъ видитъ въ немъ живое чувство чести и показываетъ намъ, какъ неожиданно пробужденное, оно потрясаетъ всю душу скупца,—и вмѣсто ненависти и презрѣнія мы чувствуемъ состраданіе къ падшему брату. Вотъ что значитъ стихъ „и милость къ падшимъ призывалъ“. Слова: „живая прелесть стиховъ“ указываютъ на красоту и изящество, въ которыхъ Пушкинъ, дѣйствительно, не имѣлъ себѣ соперниковъ въ русской поэзіи.

Кромѣ художественности и гуманности, значеніе поэзіи Пушкина заключается еще въ ея народности. Народность въ литературѣ понимается въ двухъ ея значеніяхъ: въ обширномъ и тѣсномъ. Въ обширномъ смыслѣ литература бываетъ народна тогда, когда она отражаетъ взглядъ на жизнь, свойственный всему народу, опредѣлившійся только съ большею точностью и полнотою въ произведеніяхъ художника, когда она создаетъ типы, цѣльно воспроизводящіе тѣ или другія стороны народной личности, причемъ выражаетъ все это языкомъ, общимъ всему народу, а не такимъ, который бываетъ принадлежностью одной какой-нибудь

мѣстности или сословія. Въ тѣсномъ смыслѣ литература бываетъ народна, когда она или 1) приноровляется къ понятіямъ неразвитой массы для ея воспитанія, или 2) изучаетъ эту массу, ея нравы, обычаи, языкъ, какъ нѣчто особенное, съ цѣлью ознакомить со всѣмъ этимъ людей развитыхъ, но незнакомыхъ съ народнымъ бытомъ. Въ первомъ смыслѣ „народный" часто замѣняется словомъ „національный". Если мы припомнимъ содержаніе произведеній Пушкина, то должны придти къ заключенію, что въ примѣненіи къ нему слово „народный" надо понимать въ смыслѣ „національный". Пушкинъ не былъ изобразителемъ только одного какого-нибудь класса людей; въ его произведеніяхъ русская жизнь отразилась во всѣхъ ея слояхъ: мы видимъ въ нихъ и помѣщиковъ, и высшій дворянскій классъ, и простой народъ. Народность Пушкина выражается не только въ содержаніи его произведеній, но и въ отношеніи поэта къ изображаемымъ имъ типамъ и характерамъ. „Отмѣтивъ типъ русскаго скитальца (слова Ѳ. М. Достоевскаго),... рядомъ съ нимъ поставивъ типъ положительной и безспорной красоты въ лицѣ русской женщины, Пушкинъ провелъ передъ нами цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ типовъ, найдя ихъ въ народѣ русскомъ... О типѣ русскаго инока лѣтописца, напримѣръ, можно было бы написать цѣлую книгу, чтобы указать всю важность и все значеніе для насъ этого величаваго русскаго образа, отысканнаго Пушкинымъ въ Русской землѣ, имъ выведеннаго, имъ изваяннаго и поставленнаго передъ нами теперь уже на вѣки въ безспорной, смиренной и величавой духовной красотѣ своей, какъ свидѣтельство того мощнаго духа народной жизни, который можетъ выдѣлять изъ себя образы такой неоспоримой правды... Повсюду у Пушкина слышится вѣра въ русскій характеръ, вѣра въ его духовную мощь... И никогда еще ни одинъ русскій писатель, ни прежде, ни послѣ его, не соединялся такъ задушевно и родственно съ народомъ своимъ, какъ Пушкинъ". Благодаря дѣятельности Пушкина литература наша прямо обратилась къ явленіямъ русской народной жизни. Правда, струя народности пробивалась у нѣкоторыхъ изъ прежнихъ писателей, но это явленіе было только случайнымъ порывомъ; у Пушкина же народность становится необходимымъ свойствомъ поэзіи, которое съ той поры утвердилось въ русской литературѣ и было однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ ея обогащенія. „Пушкинъ

(слова Гоголя) есть явленіе чрезвычайное и можетъ быть единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ можетъ быть явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла". . . . .

Наконецъ, важнѣйшею заслугою Пушкина было развитіе русскаго литературнаго языка. Говоря о причинахъ, замедлявшихъ движеніе нашей литературы, Пушкинъ между прочимъ, указываетъ на то, что русскіе привыкли мыслить на чужомъ языкѣ: „мы любимъ", сказалъ онъ въ „Онѣгинѣ", музъ чужихъ игрушки, чужихъ нарѣчій погремушки, а не читаемъ книгъ своихъ". Чтобы дать языку недостававшую ему свободу, Пушкинъ обращался къ формамъ и словамъ какъ книжно-славянской, такъ и простонародной рѣчи и, благодаря своему художественному таланту, умѣлъ весьма искусно пользоваться и тою и другою. Стихотвореніе „Пророкъ" заключаетъ въ себѣ много славянскихъ выраженій, таковы, напримѣръ „влачился", „перстами", „отверзлись" „виждь". „Но всѣ указанныя славянскія выраженія (слова Н. П. Некрасова) въ данномъ произведеніи умѣстны; ни одного изъ нихъ нельзя замѣнить чисто русскою формою, не нарушивъ стройности и характера цѣлаго произведенія... Читая его, мы не замѣчаемъ славянизмовъ, мы чувствуемъ лишь особенный возвышенный тонъ поэтической рѣчи, вполнѣ соотвѣтствующій возвышенности ея содержанія, и наслаждаемся лишь благозвучіемъ и образностью выраженій". Другимъ источникомъ, въ которомъ хранятся богатства литературнаго языка, Пушкинъ считалъ рѣчь простонародную: „изученіе", говорилъ онъ, „старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; разговорный языкъ простого народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій". И самъ онъ обращался неоднократно къ этому источнику, почерпая оттуда не только слова, но и формы. Такимъ образомъ, искуснымъ и свободнымъ употребленіемъ формъ славянскаго и простонароднаго языка, сообразно съ содержаніемъ произведенія, Пушкинъ внесъ новую жизнь въ нашъ литературный языкъ. Правда, и въ произведеніяхъ предшественниковъ Пушкина языкъ является уже довольно обработаннымъ, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ Батюшкова и

Жуковскаго; но ни у кого изъ нихъ гармонія между внѣшнею формою произведенія и его внутреннимъ содержаніемъ не достигала такого совершенства, какъ у Пушкина. Какъ основаніемъ прозы Пушкинъ считалъ художественную простоту рѣчи, такъ въ основѣ поэтическаго языка ставилъ „смѣлость выраженій", т. е. правильность и умѣстность употребленія метафорическихъ оборотовъ. „Смѣлость выраженій" была, напримѣръ, и у Державина, но у него она доходитъ до неестественнаго гиперболизма, въ родѣ стиховъ: „ступитъ на горы—горы трещатъ, ляжетъ на воды—воды кипятъ", въ которыхъ поэтъ рисуетъ образъ Суворова. Не то мы видимъ у Пушкина. Смѣлость выраженій у него (слова Н. П. Некрасова) не переступаетъ той мѣры, которая требуется, съ одной стороны чувствомъ красоты по отношенію къ формѣ, а съ другой чувствомъ правды по отношенію къ содержанію того, что выражается. Такъ, напримѣръ, смѣлость выраженія въ стихѣ, относящемся къ Петру Великому въ Полтавскомъ сраженіи: „онъ поле пожиралъ очами", вполнѣ художественна, потому что она, съ одной стороны, прекрасно рисуетъ самый образъ взора Петра, невольно вызывая представленіе о необычайной подвижности очей его и необычайномъ блескѣ ихъ, а съ другой—вѣрно выражаетъ то состояніе души его, ту энергію его вниманія, которыя требовались величіемъ происходящаго передъ нимъ событія". Кромѣ художественности, языкъ Пушкина отличается народностью. Мы видѣли выше, какое важное значеніе придавалъ Пушкинъ народному языку для оживленія и обогащенія литературнаго слога. Что Пушкинъ умѣлъ пользоваться простонародною рѣчью, т. е. соблюдалъ опять таки мѣру, это видно, между прочимъ, изъ того, что онъ никогда не позволялъ себѣ прибѣгать къ намѣренному искаженію языка, никогда не употреблялъ исключительныхъ выраженій, характеризующихъ только одно какое-нибудь сословіе или говоръ. „Ломоносовъ" (слова Н. П. Некрасова) сообщилъ литературному языку характеръ схоластическій, кабинетный; Карамзинъ придалъ ему характеръ общественный, характеръ изящной рѣчи, такъ сказать, салонный; Пушкинъ же далъ литературному языку характеръ художественно-народный, сдѣлавъ въ своихъ произведеніяхъ красоты родного языка доступными для каждаго русскаго человѣка, способнаго чувствовать прекрасное. Такимъ образомъ онъ вывелъ литературный языкъ изъ

спертой атмосферы кабинетовъ и гостиныхъ на чистый воздухъ свѣта Божія, на широкій просторъ Русской земли для любованья всему народу русскому".

Темы для самостоятельныхъ письменныхъ работъ.

I. *Указать общую мысль и ея развитіе въ стихотвореніи „Полководецъ"*. Отмѣтить въ немъ историческія черты.

II. *Сравнить описаніе Полтавской битвы въ поэмѣ Пушкина съ разсказомъ о ней по исторіи Соловьева.*

Вопросы: какими общими и частными признаками характеризуется событіе у Пушкина? Въ чемъ сходство и различіе между поэтическимъ воспроизведеніемъ событія и историческимъ о немъ разсказомъ? Чѣмъ объясняется различіе? Что узнаемъ мы о Петрѣ Великомъ и о другихъ дѣйствующихъ лицахъ изъ разсказа историческаго? Какъ представлены у Пушкина Петръ Великій и Карлъ XII и согласно ли съ исторіей?

III. *Бѣлогорская крѣпость и ея обитатели* [Главы III и VII изъ повѣсти „Капитанская дочка"]. Вопросы: описаніе Бѣлогорской крѣпости съ внѣшней и внутренней стороны; домъ коменданта и его обстановка; характеристика коменданта: его возрастъ, одежда, отношеніе къ подчиненнымъ и женѣ, его героизмъ; комендантша; ея смѣшныя и хорошія качества, отношенія къ мужу и дочери; характеристика времени и патріархальность нравовъ.

IV. *Характеристика помѣщичьяго быта по роману „Евгеній Онѣгинъ"*. (Вопросы: представители старшаго поколѣнія, т. е. дядя Онѣгина, родители Татьяны, ихъ сосѣди; какъ проводили они время, что они читали, ихъ образъ мыслей, ихъ самодовольство и гордость; молодое поколѣніе, его достоинства и недостатки; черты и типы крѣпостного быта).

V. *Татьяна и Лиза, героиня повѣсти Тургенева „Дворянское гнѣздо"* (параллельная характеристика). Вопросы: по-

ложеніе и той и другой въ семьѣ; вліяніе пяньки; умственное развитіе Татьяны и Лизы, ихъ нравственныя качества, пониманіе ими долга, ихъ сердечныя привязанности; судьба Татьяны и Лизы.

VI. *Русская жизнь по драмѣ „Борисъ Годуновъ“*. (Бояре, ихъ взаимныя отношенія; черты современнаго монашества; положеніе народа; нравы и обычаи).

